

11/68

Ровесник

В НОМЕРЕ:

А. ФИЛАТОВ. Красный марш 1

В. КАШИРОВ. Оправа жемчужины . . . 4

Д. ГОРБУНЦОВ. Гренада моя!.. . . . 6

А. ФЕДОТОВ. Вступление в жизнь 8

Ю. АНДРЕЕВ. Капитан «Африки» . . . 13

Аллен ЯНГ. Лекции по кладке кирпича . . 14

Сакэ КОМАЦУ. Повестка о мобилизации. Рассказ 20

Пьер ЛУАЗО. Менаджеры мертвых душ. Спорт. . 23

На первой странице обложки: IX Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Торжественный марш делегаций. Фото нашего специального корреспондента Артура ФИЛАТОВА.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

НОЯБРЬ № 11 (77) 1968 ГОД
ГОД ИЗДАНИЯ СЕДЬМОЙ

КРАСНЫЙ

Мы видели красные знамена. Видели в Риме, Париже, Токио, Западном Берлине и даже в Нью-Йорке.

— В Нью-Йорке?! Такого не бывает, — заявляли коллеги и пытались скорее убраться к самозакрывающимся лифтам, которые проглатывали их и уносили в холл семнадцатиэтажного софийского отеля «Хемус».

Но факт остается фактом.

В душный июльский полдень, когда все живое американское скрывается в своих раздражающих, как зубная боль, вертикально-горизонтальных коробках из молчаливого бетона и стекла, на улице, что ведет к «Коламбиа» юниверсити», появились красные знамена.

Они двигались по улице, которая, как и все ужасное, имеет свое жуткое очарование. Слезящиеся стены поднимаются насколько хватает глаз, запирают человека в глубоком колодце и смотрят с высоты немигающими красными зрачками. А человек глядит на стены завороженно, как на застывший бетонный смерч.

Эти стены и это ощущение были описаны еще за сто лет до их появления, когда еще не было ни Уолл-стрита, ни Гарлема, а страницы Декларации независимости еще не успели пожелтеть. «Во всем доме, — писал Эдгар По, — царила атмосфера, ничего общего не имеющая с небесным воздухом, она исходила от покрытого плесенью дерева, от серых стен, от немого застоя...» И дальше Эдгар По словно предугадывает психологическое состояние современных обитателей и хозяев этих домов-чудовищ, этих гробниц первого класса на кладбище богачей. «Ускер страдал от болезненно повышенной чувствительности: он мог носить одежду только из определенной материи, запах каких бы то ни было цветов был для него невыносим, даже самый слабый цвет был для его глаз пыткой, существовало всего несколько звуков, и то издаваемых лишь струнными инструментами, которые не приводили бы его в ужас... «Я умру, — сказал он, — я должен умереть в этом безнадежном сумасшествии...»

Двигались по улице красные знамена. А рядом на них с любопытством смотрел Гарлем, скорбный и роковой, несправедливый и похоронный. Цивилизация уничтожила в нем сотни хижин, но построила длинные мрачные дома-казармы, найт-клубы, бары, расцвеченные точно такими же, только чуть подкрашенными, ярмарочными огнями реклам, как и остальные улицы Манхэттена.

По улице двигались красные знамена.

А жители «фан-сити» — вечно жующие, пьющие, с волосами, подстриженными щеткой, с напряженным взглядом, словно они и сейчас ведут свои шикарные автомашины, были шокированы, поражены, раздражены.

Красный цвет действовал на «среднего» американца — эту гордость рекламных контор с Мэдисон-авеню, о котором кто-то из журналистов сказал, что у него «есть домик за 14 тысяч долларов, автомобиль, трое сыновей (один в морской пехоте), вера (неважно какая), что он непременно принадлежит к какой-нибудь партии (лишь бы она была американской)», — как красная копа на быка во время корриды.

Раньше этот «средний» американец боялся кожаных курток, что врывались в города на разъяренных стодвадцатисильных «харлеях», лет пять назад — разбушевавшихся тинейджеров. Еще в прошлом году в городке Монтрей, что расцвечен всеми красками Калифорнии и жители которого наслаждаются средней температурой в +20 градусов, «средний» американец — некая миссис Петкус бросила дрожащим голосом в зал суда (где судили Джоан Баэз, которая отказалась платить налоги, потому что они идут на грязную войну во Вьетнаме):

— Пацифисты — самое большое несчастье, которое могло случиться в нашей стране... Мы пошли на жертвы, купили домик, заботливо выращиваем в садах цветы и имеем право требовать, чтобы пацифисты покинули наш городок...

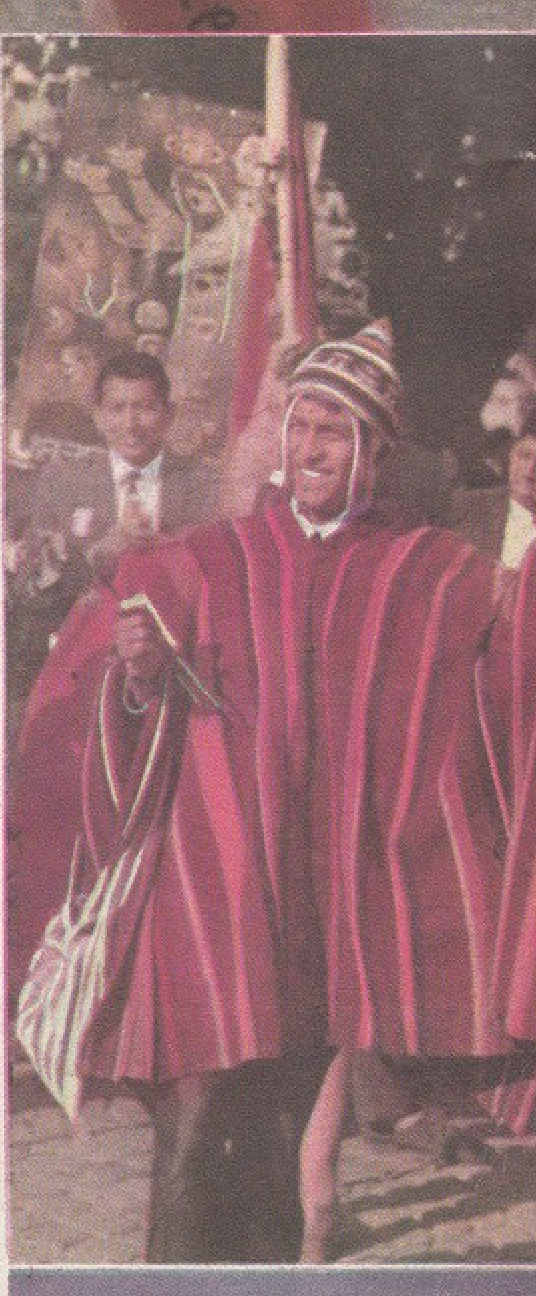
И вот теперь в конце «жаркого лета», когда горели Детройт, Чикаго, а в самом Нью-Йорке был построен, а потом стерт полицейскими бульдозерами палаточный городок «Воскрешение», на «среднего» американца обрушились красные знамена. И где — в самом центре «свободного мира», втором городе Соединенных Штатов! Их несли «новые левые».

Этот термин появился в 1959 году,

МАРШ

когда молодые американцы почувствовали, что миф об Америке-гегемоне рушится, что их долгое время обманывали. Запершись в золотой клетке, они не почувствовали, что их обогнали даже в промышленной области и в первую очередь Советский Союз, который первым запустил свой первый космический корабль. Советские люди, которые были в это время в США, рассказывали, что голоса дикторов на двадцати американских теле- и радиоканалах походили на всхлипывания. Для рядового американца это известие было подобно грому среди ясного неба.

Затем был советский «лунник». И рядовой американец вдруг открыл для себя, что появилась нация, которая дает все блага не собственнику капитала, а его производителю. «Старый мир кичился тем, — говорил Мартин Андерсен-Нексе, — что своим анализом проник даже в тайну Солнца и звезд и мог определить их вес с точностью до одного фунта. Но зато он не трудился отвешивать хлеб голодным. Революция означает полную переоценку мира, пролетарий перевернул в человеческом представлении все явления и впервые показал людям их задачи в правильном порядке, в естественном чередовании. Его отправной точкой было развешивание хлеба, он начал с этого, но наступит день, когда он достигнет звезд».

Конечно, это не их вина, ведь американцам с детства внушали, что они самые сильные, самые высокие и даже самые красивые. С детства им советовали, что они должны действовать по примеру своих «пионеров», орудуя кулаками, чтобы добыть побольше монет, а затем попасть в мир, где эти «биг-маны» становятся не деньгами, а властью. С детства американцам говорили, что они должны вытравлять из себя все, что не рационально, и в первую очередь всяческую культуру, потому что это удел интеллигентов. Говорят, что американцев не шокирует даже фраза: «Он был столь любознателен, что интересовался наиболее рациональными приемами самоубийства!» Мне рассказывали, что Джорджем Вашингтоном завладела как-то фирма перочинных ножей. Она выпустила ножичек, на обертке которого было написано, что точно такой же был подарен Джорджу Вашингтону в детстве, потому что он слушался маму. А дальше тот же журналист добавил, что он читал американские учебники и в одном из них написано: «Инки — это то же самое, что русские в древности, они тоже ели своих соседей».

«Русская революция, — писал Филипп Боноски, — появилась на американской пролетарской сцене в облачении, напяленном на нее американским капитализмом, который был охвачен неподдельным страхом и паникой, — в одеждах «большевистской угрозы», «красной опасности», «коммунистического заговора». Эта концепция воплощала всю злобу, невежество, классовые предрассудки, полное незнание истории, в особенности характерные для американской буржуазии, но вполне типичные и для буржуазии всех стран. Так определилось ведущее направление буржуазной пропаганды на пять последующих десятилетий. Опиралась она на весьма убогую теорийку, объявлявшую буржуазные общественные отношения «естественными», а социалистические отношения противоестественными, навязываемыми благодаря проискам иностранной агентуры (рука Москвы!) такому мирному, спокойному, всем довольному рабочему классу. Пропагандистами социализма согласно этой теории выступали преступники, чужаки, чью руку направляла иностранная держава. Во имя этой концепции патриотизма и этого понимания истории были посланы на смерть миллионы людей, данью этой концепции служит нависшая над миром угроза новой истребительной войны».

Вина здесь не американцев, а так называемой «организованной системы», по которой они живут, — она объединяет хаотическое производство с неспособностью удовлетворить элементарные потребности человека. Это может показаться парадоксом, но получается, что американское общество построено без учета человеческих ценностей.

Большинство американской молодежи

рассматривает свой труд только как источник заработка и не видит в нем никакого смысла. В основном эта молодежь уверена, что любая работа надувательство. В стране существует система каст, по которой каждому в жизни полагается определенный кусок. Власть имущие игнорируют культурные ценности, а университеты превращаются в обыкновенное место дрессировки техников или антропологов. Одни цинично приспосабливаются к этой системе, не веря в нее, другие отвергают, третьи — молодые преступники — хотели бы войти в общество, но их туда не пускают. Но они и не жалеют об этом. Еще в 50-х годах специальная комиссия сената по расследованию организованной преступности в США обнаружила, что организованный бандитизм проник более чем в 70 отраслей американского предпринимательства, и определила его прибыль в 17 миллиардов долларов.

В книге «Преступность в Америке» сенатор Кефовер пишет: «Я не потерял веру в способность американского народа осознать опасность, возникающую перед ним, и бороться с ней. Тем не менее страшно видеть, насколько близко Америка подошла к тому предельному насыщению преступностью и политической коррупцией, которые грозят подорвать силы нации». Это написано еще в 1951 году.

Но вернемся к «новым левым».

Вот как определил это движение один американец: «Странное сочетание христианских социалистов, революционных пацифистов, миссионеров-язычников, носителей полудюжины противоречивых доктрин, объединенных тем, что все они разочарованы в либерализме; они предпочитают прямое действие, не надеясь на избирательные бюллетени, они презирают власть имущих, они уповают лишь на лишенных власти».

Один из редакторов «Стадиз он дзе лефт», двухмесячного журнала «новых левых» в Америке, Юджин Джиновезе, более самокритичен. «Большинство «новых левых» гордится своим прагматизмом, — пишет он, — который в действительности означает просто бездумность, гордится свободой от марксистской догмы. В действительности у них нет никакой теории, нет ни понимания, ни уважения к истории, нет даже представления о том, чего они не знают...»

Движение «новых левых» враждебно империалистической Америке. И поэтому Компартия США призвала к контакту с ними. Вот что писал теоретический орган партии «Политикл эффейрз» еще в 1965 году: «Наша новая политика должна состоять в том, чтобы присоединиться к борьбе новых левых везде, где это возможно и уместно. Это не означает, что мы гарантируем новым левым, что мы всегда будем их поддерживать, но это означает, что мы не будем автоматически отворачиваться от них каждый раз, как возникают разногласия».

Движение «новых левых» аморфно, неоднородно. Особенно среди молодежи. Это выходцы из мелкобуржуазных семей, анархиствующие студенты, которых обидели либо лишним экзаменом, или просто набили морду на одном из многочисленных митингов, которые они устраивают по каждому поводу и без повода.

У них нет программы, они презрели повседневную работу профессиональных революционеров и хотят построить социализм сразу, даже не запачкав рук. Сегодня они могут вытащить красные знамена и, пугая обывателя, пройтись по улицам, завтра — черные, а послезавтра предать рабочих, как это было во время недавних грозных событий во Франции. Они могут требовать произведения Ленина, провозглашая себя новыми марксистами-революционерами, а завтра — так было в Софии на IX Всемирном фестивале молодежи и студентов — начать скандировать: «София, проснись!» Или просто сесть на гаревой дорожке стадиона В. Левского во время торжественного марша делегаций и кричать несколько минут, нарушая распорядок этого красочного шествия молодости: «Че, Че, Че, Че Гевара!»

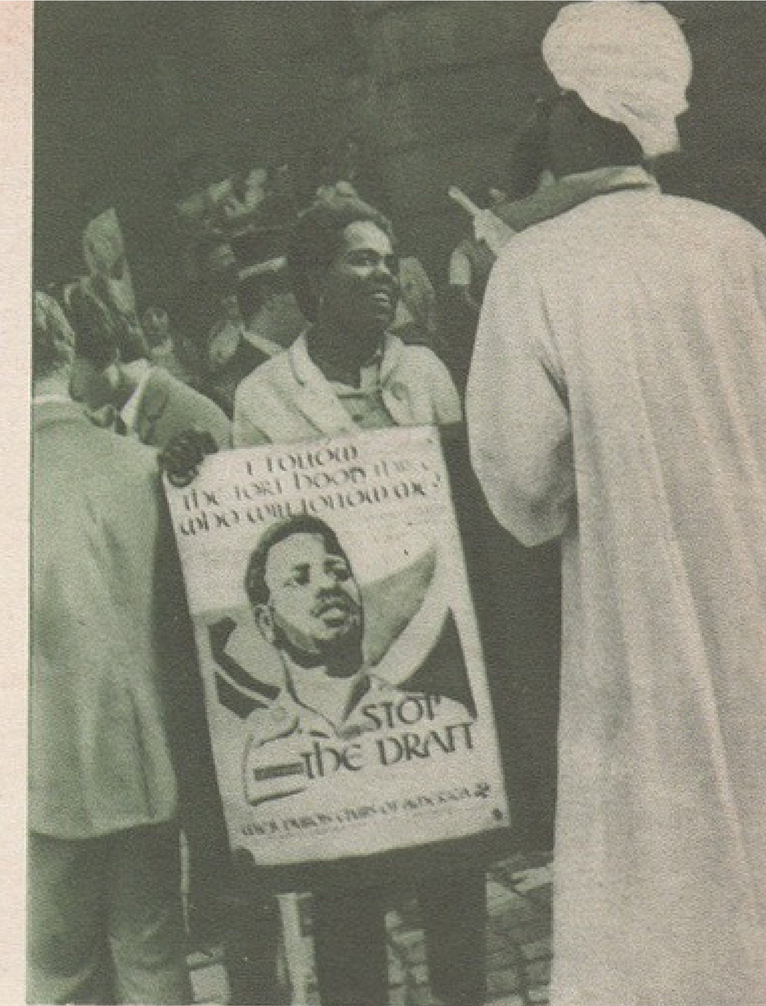
Автор этой статьи пробыл во время фестиваля двое суток у открытого окна небольшой комнаты с золотистыми обоями. Под комнатой разместилась сладкарница — что-то вроде нашего кафе. До открытия фестиваля я бывал в сладкарнице, выпивал за несколько стотинок по чашечке крепкого черного кофе с фруктовым пирожным.

В первый день фестиваля сладкарницу закрыли. Не слышно стало надоевшего за эти двое суток перезвона чайных ложечек и нестройного гула голосов. Этот гул переместился на улицу. Он несся в открытое окно. От него дрожали на подоконнике фотоаппараты с нацеленными вниз объективами.

Внизу улица пустынна. Лакированные автомобили на вымощенной желтыми прямоугольными плитками мостовой застыли в томительном ожидании. Из подъезда выглядывает вялый белобрысый парень. Он смотрит с испугом на самосвалы, что прижались друг к другу железными бортами и отгородили этот кусочек американской земли с ее звездно-полосатым флагом от фестивальной Софии, а потом скрывается за массивной дверью с надписью «American Embassy», чтобы появиться снова ровно через полчаса.

Сегодня день Вьетнама. Красные черепичные крыши Софии похожи на сгустки крови. А синее до рези в глазах софийское небо задернулось черными тучами, кажется, даже оно наполнилось гневом и яростью.

За самосвалами сотни молодых людей с транспарантами, знаменами. сего-

дня день Вьетнама, и они пришли к американскому посольству, чтобы выразить свое единодушие с героической борьбой вьетнамского народа. Я вижу среди них американцев, которые приехали на фестиваль, чтобы еще раз показать своему правительству, что они против его политики во Вьетнаме.

Среди них юноши и девушки из «Клубов Дюбуа», молодые парни, отказавшиеся воевать во Вьетнаме и покинувшие разбойничью «Army USA». Они пришли сюда прямо с донорского пункта, где сдали свою кровь для вьетнамских братьев. Еще через несколько дней они придут вместе с другими делегатами к залу «Фестиваль-68» и посадят еловую аллею Дружбы. На первом дереве будет висеть табличка с надписью «Вьетнам».

А затем появятся на Славковой улице, в гимназии № 22, которая на время фестиваля станет Центром солидарности с борющимся Вьетнамом. За десять дней в этом центре побывает 150 тысяч человек. Каждый придет не с пустыми руками: принесет деньги, обувь, медикаменты, игрушки, ученические тетради. Здесь перед Центром художники ГДР расчертят огромное панно на 10 тысяч клеток. За двадцать стотинок каждый сможет купить керамический квадратик, а девушки из Союза свободной немецкой молодежи тут же приклеят его на панно. Так к концу фестиваля родится картина «Вьетнамские партизаны», а собранные деньги будут переданы делегации героического Вьетнама.

Меняются транспаранты, лозунги, люди за самосвалами требуют, чтобы к ним вышел американский посол. Но «American Embassy» молчит. Только вялый парень выглядывает из-за массивной двери каждые полчаса.

Через несколько дней этот парень расскажет, сколько он натерпелся за эти десять фестивальных дней. Расскажет, что посол покинул Софию на весь фестиваль, бросил их и уехал «отдыхать» на «Золотые пески». А потом вздохнет и проговорит:

— И зачем мы ввязались в эту войну?

Это становится интересным, и я засыпаю его вопросами. Парень охотно

отвечает. Рассказывает, что сам учился в университете в Беркли, был свидетелем университетских событий 1964 года.

Тогда президент Калифорнийского университета Кларк Керр выступил перед студентами и заявил, что университет — это просто «фабрика сознания». Администраторы — вездесущие функционеры, которые не должны иметь представления о культуре, а студенты — сырье. Всевозможные дипломы — это то, что нужно какой-либо отрасли промышленности, и студенты должны быть готовы занять место, которое укажет им общество в непрерывном процессе борьбы за успех. Восемь студентов сразу же заявили, что имеют право заниматься борьбой за гражданские права, образовывать культурные и политические ассоциации в университете, иными словами, потребовали, чтобы за ними было признано право быть думающими людьми. Эти восемь были исключены из университета. В знак протеста студенты Беркли вышли на демонстрацию. Полиция, специальные части, вызванные из Окленда, разогнали демонстрацию. Более восьмисот студентов попали в тюрьму.

Видно, что проблема образования, отношений между студентами и администрацией волнует парня, и я не перебиваю его.

Наконец парень говорит:

— Вы знаете песню, которую исполняли студенты на той демонстрации?

Нам не нужно «массовое воспитание»,
Мы не хотим, чтобы нас превращали
в слепые машины,
Мы хотим, чтобы с нами обращались
как с людьми,
Мы за свободу мысли...

Он становится сентиментальным, этот парень из посольства Соединенных Штатов. Напоминаю ему песню Тома Пакстона «Мы ничего не знали»:

У меня есть друг, бывший помощник
пилота военно-воздушных сил.
Во время службы в армии его вызвали
в экзаменационную комиссию.
Его спросили: «Подчинились бы вы
приказу сбросить ядерную бомбу
на американский город?»
Сам факт, что подобные вопросы
задаются, говорит о том, куда завела нас
«холодная война» и гонка вооружений.
Я могу поспорить на последний доллар,
что рано или поздно им удастся
кого-нибудь обмануть.
Убедить, что его долг состоит именно
в этом.
В мире довольно фанатиков, свято
верящих в собственное кредо.
Но если эти фанатики накладывают
свои лапы на ядерное оружие,
здесь есть о чем подумать...
На Нюрнбергском процессе военные
преступники тоже отвечали: «Мы
выполняли приказ. Мы ничего не знали».

Парень клюет и на это. И сразу же начинает:

— Я не поддерживаю эту войну. Да и многие у нас ее не поддерживают. Поймите, мы не сможем ее выиграть, сколько бы ни посылали туда наших парней. Это все Джонсон. А вы знаете, почему я здесь?

— Нет.

— Меня тоже ожидала повестка.

— Ну и как же?

— Друзья помогли устроиться...

Парень совсем разоткровенничался. И вдруг:

— А вы сами-то кто?

— Советский журналист.

— Рашен?!

Я ожидал этого вопроса.

Парень бледнеет прямо на глазах, съеживается, понимая, что наговорил лишнего. И, чтобы обелить себя, заявляет:

— СССР не цивилизованная страна, потому что там не играют в гольф. Надо вернуть Россию к 1948 году, когда только мы владели атомной бомбой. Фестиваль — коммунистическая пропаганда.— И т. д. и т. п.

А фестиваль продолжался.

На всех языках звучало слово «солидарность», здесь в Софии оно вошло в лозунг всемирных фестивалей и объединило миллионы молодых сердец.

Недаром в день закрытия фестиваля на стадионе Василя Левского представители 142 стран как клятву повторяли слова Обращения:

«Молодежь и студенты всего мира!

...С возросшей верой в ту силу, которую мы собой представляем, когда мы объединяемся, мы призываем вас к единству действий в борьбе:

за победу вьетнамского народа,

за свободу, независимость и мир,

за демократию и прогресс».

Солидарность — это единый фронт молодежи против империализма и колониализма.

Солидарность — это поддержка народов Латинской Америки, Азии, Африки в их справедливой борьбе за свободу и независимость.

Солидарность — это грозные выступления против возрождения фашизма в ФРГ.

Солидарность — это борьба за мир без войны, за мир социального равенства и прогресса.

А такой мир может дать человечеству только социализм.

«Для многих из нас, — заявил венесуэльский юноша Рауль Кантрерас, — социализм — это идеал. Здесь многое можем узнать о социализме, причем «из первых рук». IX Всемирный фестиваль молодежи состоялся на земле социалистической Болгарии. Он показал многим юношам и девушкам, что дает социализм молодежи. И поэтому не удивительно, что все делегации как-то особенно пристально смотрели на представителей нашей советской молодежи. Нашим парням и девушкам пришлось выдержать настоящую атаку неподдельного интереса.

Стефан Цвейг писал о «звездных часах человечества». Фестиваль — это звездные часы юности.

Артур ФИЛАТОВ,
наш специальный корреспондент

Фото автора

София — Москва

ОПРАВА

„Посетите Уганду — «Жемчужину Африки»!» — гласят туристские проспекты.

Уганда расположена в самом центре тропической Африки, но климат здесь мягкий и ровный. Затяжных тропических ливней не бывает, и только в редких случаях дождь продолжается больше часа.

Сказочно богат животный и растительный мир этой страны. В Уганде с населением в семь миллионов человек и равной по площади Британским островам три национальных заповедника. У подножья холмов, покрытых тропическим лесом, бродят стада жираф, свирепых буйволов, носорогов, зебр и антилоп. Реку Нил, особенно близ водопада Мэрчисон, густо заселили бегемоты и крупнейшие в мире аллигаторы. Вольготно чувствует себя «царь зверей» лев: его охраняет законодательство страны, запрещающее охоту на диких зверей. В порядке исключения время от времени разрешается отстрел слонов и бегемотов. Их развелось здесь столько, что человек вынужден сокращать численность этих животных. Недавно правительство приняло решение об отстреле двух тысяч слонов, опустошавших крестьянские поля.

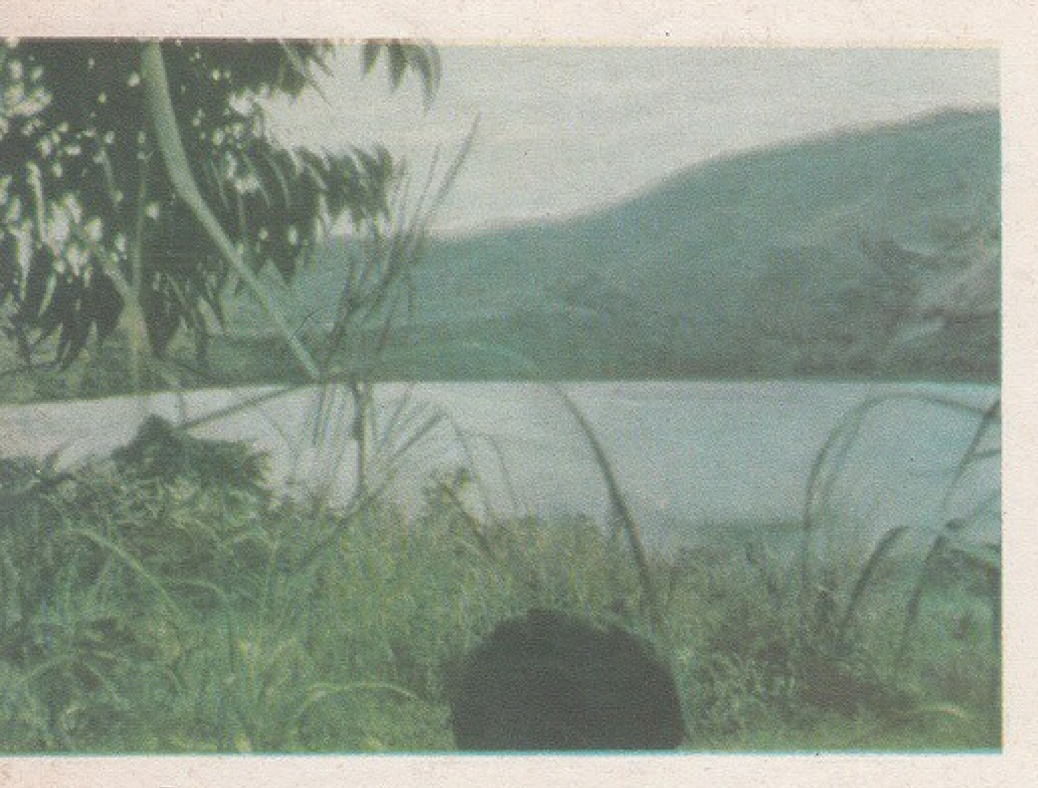
Недра Уганды богаты залежами меди, олова, золота, серебра, вольфрама, висмута, ниобия. Практически не ограничены гидроэнергетические ресурсы, что создает хорошие предпосылки для развития промышленности.

Иностранцы, гостящие в Уганде, отмечают гостеприимство и радушие местного населения.

— Удивительно! Здешние африканцы нисколько не похожи на своих сородичей в Штатах. У них мягкий, дружелюбный характер, — высказался однажды некий Лари из американского «Корпуса мира».

Чем объясняется отсутствие враждебности угандийцев к белому человеку? Ведь хорошо известно, что колониальный разбой империалистических государств в Африке уже давно превратил человека с белым цветом кожи в пугало для африканцев.

Причину следует искать в обилии форм и разновидностей английского колониализма. Дело в том, что англичане сконструировали в свое время для Уганды так называемую систему косвенного управления. При этой системе они грабили национальные богатства страны руками самих же африканцев.

В отличие от белых поселенцев из таких стран, как Кения и Родезия, англичане в Уганде не имели крупных земельных наделов. Они предпочитали вкладывать капиталы в страховые и торговые компании, в банковское дело, строительство дорог, предприятия горнодобывающей промышленности.

Угандийским крестьянам «посчастливилось». Работая на кофейных и хлопковых плантациях, они не видели жестоких надсмотрщиков-европейцев. Эту «грязную» работу за соответствующее вознаграждение выполняли сами африканцы. Таким образом, получая львиную долю барышей, английские дельцы продолжали оставаться в тени.

Стоит ли говорить, что замаскированный грабеж ничуть не лучше грабежа открытого. Англичане не остались в проигрыше. Загребая жар чужими руками, они сумели ввести в заблуждение далекую от политической жизни часть населения Уганды, которая продолжает верить в «цивилизаторскую миссию» Англии.

Впрочем, национально-освободительное движение в этой стране не прекращалось со времен установления английского протектората в 1894 году. Осенью 1962 года под ударами патриотических сил «британский лев» был вынужден убраться из Уганды. Он оставил угандийцам вековую отсталость и нищету, межплеменную вражду и религиозные распри, неграмотность и болезни. Разработанная в Лондоне конституция 1962 года ревностно охраняла автономию четырех монархий Уганды, фактически превратив страну в конгломерат враждующих королевств.

Таким образом, с первых же дней независимости Уганды правительству, которое возглавил видный африканский националист Милтон Оботе, пришлось распутывать сложный клубок противоречий и закулисных интриг. Патриоты ни на минуту не упускали из виду главную задачу — достижение политического и национального единства. Однако в самой Уганде и за ее пределами далеко не всем нравилась идея создания сильного независимого государства и единой нации. Это противоречило интересам английских правящих кругов и сепаратистским тенденциям феодалов.

Реакция неоднократно пыталась очернить центральное правительство. В ход шли все средства, включая пресловутую «угрозу коммунизма». Летом 1965 года Милтон Оботе, занимавший в то время пост премьер-министра, посетил с государственным визитом Советский Союз. После возвращения на родину премьер и его сторонники подверглись ожесточенным нападкам реакционных элементов, упрекам «в насаждении коммунизма» в Уганде. В феврале 1966 года в стране был раскрыт опасный антиправительственный заговор. В мае того же года против центрального правительства подняла мятеж феодально-сепаратистская верхушка одной из составных частей страны — Буганды. Заговорщики планировали свержение законного правительства с помощью английских и американских войск.

В создавшихся условиях Оботе был вынужден приостановить действие конституции 1962 года и взять на себя всю полноту власти. Итогом радикальных перемен, последовавших вслед за разгромом реакции, явилось принятие парламентом в сентябре прошлого года новой конституции. Она покончила с феодальным устройством страны, упразднила королевства, наследных правителей, провозгласила Уганду республикой. Объявив войну феодальным пережиткам, новый основной закон страны открыл важную страницу в истории Уганды. Народ впервые почувствовал себя обладателем реальной политической независимости.

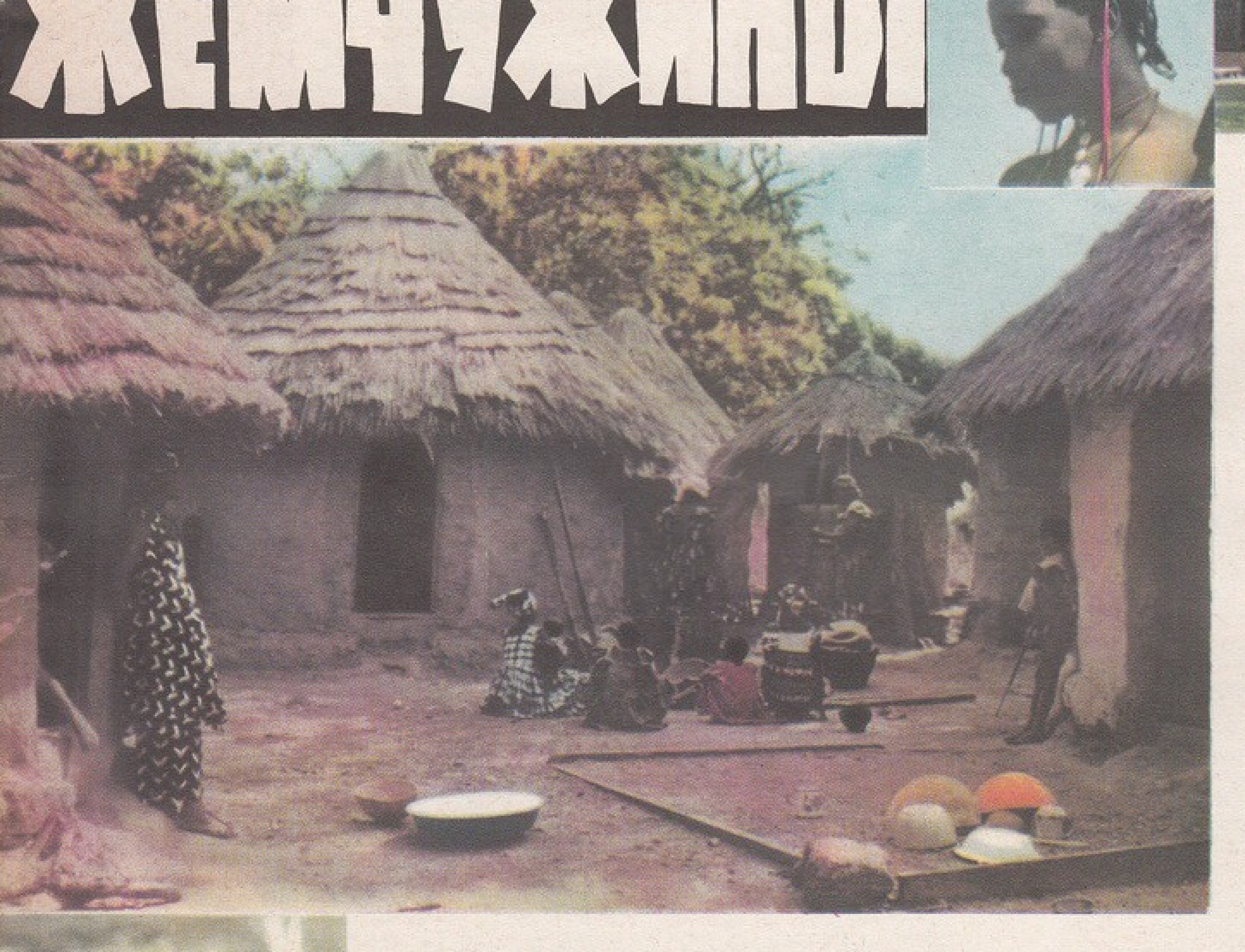
Страна все еще находится перед выбором: по какому пути развивать экономику, социалистическому или капиталистическому? Но уже сейчас успехи в экономическом, социальном и культурном

строительстве не вызывают сомнений. Народ Уганды успешно трудится над выполнением второго пятилетнего плана, сумма капитальных вложений которого почти вдвое превышает капиталовложения первого пятилетнего плана.

Учитывая аграрный характер страны, правительство стремится накопить средства для индустриализации народного хозяйства прежде всего за счет быстрого развития сельскохозяйственного производства. В связи с тем, что мировые цены на кофе и хлопок — основные экспортные культуры — весьма неустойчивы, Уганда переходит от монокультурной к многоотраслевой системе сельского хозяйства. Развивается животноводство, производство чая, сахарного тростника, риса, земляного ореха.

До сих пор ключевые позиции в экономике Уганды находятся в руках иностранных монополий, главным образом английских. Почти во всех государственных учреждениях сидят английские советники и технические эксперты. Очень немногие из них искренне хотят помочь Уганде поскорее избавиться от вековой отсталости. Большинство продолжает

ЖЕМЧУЖИНЫ

усердно работать во славу английской короны. На зеленых холмах столицы республики Кампалы в роскошных особняках живут иностранцы, а семьи многих африканцев попрежнему ютятся в убогих хижинах без водопровода и электричества.

Из своего скромного бюджета молодая африканская страна ежегодно выделяет средства на улучшение системы здравоохранения, развитие образования.

Стремление Уганды к экономической независимости находит искреннее понимание со стороны социалистических государств. Крепнет экономическое, торговое и культурное сотрудничество с Советским Союзом. На основе советско-угандийского соглашения в пограничном с Кенией городе Тороро в ближайшее время начнется строительство учебного центра по подготовке сельских механизаторов. Центр будет ежегодно выпускать до 350 трактористов и комбайнеров. В северной части страны также при техническом содействии СССР запланировано сооружение хлопкопрядильной фабрики. На дорогах Уганды появились «Волги», «Москвичи», ЗИЛы. Из года в год увеличивается число угандийских студентов, обучающихся в вузах и техникумах Москвы, Ленинграда, Киева. В 1964 году в Кампале создано общество дружбы и культурных связей «Уганда — СССР».

Инициаторами многих полезных начинаний в стране неизменно выступают юноши и девушки — члены Молодежной лиги правящей партии НКУ и Национального союза угандийской молодежи. Начиная с 1965 года члены этих организаций довольно широко практикуют работу на общественных началах. Без всякого вознаграждения юноши и девушки прокладывают новые дороги, строят школы, больницы, культурные центры.

Вспоминается встреча с активистами отделения Угандийско-Советского общества дружбы в округе Мпиги, в 100 километрах от Кампалы. Отделение создано год назад, но сделано уже немало. Открыты бесплатная начальная школа, которой присвоено имя В. И. Ленина, библиотека советской литературы. Работники посольства СССР регулярно выезжают в этот район, показывают жителям фильмы о нашей стране, читают лекции.

...Близится вечер. С холмов тянет душистой прохладой вечнозеленых трав. Через пять-десять минут наступит черная, совершенно непроницаемая на экваторе ночь. Мы медленно направляемся к машинам, слушая рассказ председателя местного отделения общества «Уганда — СССР» Эммануэля Мулондо:

— Главная наша задача — воспитать у юношей и девушек чувство коллективизма. С этой целью мы арендуем небольшой клочок земли, выращиваем там овощи. Вся выручка от продажи идет на благоустройство школы, приобретение учебников и тетрадей. Думаем построить спортплощадку. А знаете, вначале над нами смеялись. Особое недоверие к бесплатному труду выражали старики. Теперь они помалкивают и все чаще наведываются посмотреть на нашу работу. Через несколько лет мы создадим большое огородное хозяйство — «колхоз-миллионер». В нашем распоряжении крепкие руки, помощь друзей, благодатная земля, — говорит на прощанье Э. Мулондо.

Кампала — Москва **В. КАШИРОВ**

Перед вами второй рассказ о клубах пролетарской солидарности молодежи. Он посвящен одной из акций клуба «Восход», созданного в Алтайском крае по инициативе краевой молодежной газеты. «Восходовцы» несколько лет поддерживают постоянную связь с молодежью Испании, борющейся с диктаторским режимом Франко, много делают, чтобы помочь своим далеким друзьям. Опыт работы «Восхода» заслуживает внимания всех КПСМ.

Гренада

Целый день — слушали ли лекцию, готовили ли обед в столовой, играли ли в бадминтон — «республиканцы» не забывали красно-голубые конверты, на которых было написано только два слова: «Совершенно секретно».

Их вручили гражданам «Комсомольской республики» еще до завтрака, на линейке. С тех пор и Катунь не Катунь и в бадминтон не играется...

Но вот наступил вечер. Командир «орлят» (а в «Комсомольской республике» каждый отряд носит свое имя — «Икар», «Орлята», «Искатель», «Незнайка», «Колобок») вскрывает конверт.

— «Совершенно секретно! — читает он. — Приказ № 1...»

Ребята, такие же, как сам командир, секретари школьных комсомольских организаций края, приехавшие сюда на семинар и ставшие здесь жителями «Комсомольской республики», оглядываются: как бы кто не подслушал. Нет вроде бы никого. Но на всякий случай двоих отправляют в дозор.

Командир продолжает читать:

— «13 августа 1917 года началась первая всеобщая политическая забастовка испанских трудящихся. А сегодня, пятьдесят один год спустя, мы проводим маевку «Испания в сердце».

Отряд «Орлята»!

Приказываю явиться на маевку в полном составе.

Форма походная. Время выхода из лагеря — 20.40.

Маршрут: Чуйский тракт (в сторону Горно-Алтайска).

Пароль...»

Через несколько минут «орлята» покинули лагерь. Но едва палаточный городок «республики» скрылся за березами, точно из-под земли выросли двое ребят в испанках:

— Пароль?

— Вива Эспанья либре! (Да здравствует свободная Испания!)

— Абахо Франко! (Долой Франко!) — ответил пикет.

Один из пикетчиков повел ребят прямо в чащобу среди папоротников и крапивы, которые здесь выше человека. Минут тридцать они шли за парнем по одной ему известной тропе. Потом вновь услышали шум Катуни и скоро оказались в каменистом каньоне. Здесь их уже ждали. Все было приготовлено для костра, а вокруг, точно в древнеримском Форуме, на каменных террасах сидели «республиканцы».

Через несколько минут подошли и остальные отряды. Вспыхнул костер. Над Катунью, ночной притихшей тайгой, над мрачными камнями поплыла песня:

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях
И «Яблочко»-песню
Держали в зубах.
Ах, песенку эту
Доныне хранит
Трава молодая —
Степной малахит.
Но песню иную
О дальней земле
Возил мой приятель
С собою в седле.
Он пел, озирая
Родные края:
«Гренада, Гренада
Гренада моя!..»

Только песня. Ни звука больше, ни шороха. Кажется, даже неугомонная Катунь заслушалась, затихла.

И вдруг песня прервалась.

В тишине зазвучали стихи испанских политических заключенных. Их перевел на русский Геннадий Панов:

Я знаю, как пляшет солнце
в высоком небе Гренады,
как звонко оно смеется
гроздьями винограда,
как ночью глаза любимой
влажны от любви и юны,
как плавают в их глубинах
огромные черные луны,
как задыхаются пальцы
от счастья в гитарном смехе...
Теперь — это только память,
гаснущая, как эхо.
Украли у крыльев небо
каменные громады.
Осыпались и померкли
солнышки винограда.
В глазах, презиравших слезы
(прости эту слабость, небо!),
как виноградные гроздья,
качаются слезы гнева.

Откуда-то извлекается пожелтевший номер ныне орденоносной «Алтайки» от 1 мая 1937 года (тогда газета называлась «Красный Алтай»). Газетную заметку тридцатилетней давности читают вслух:

— «Салют, Испания!

Десятый месяц защищает испанский народ свою страну от взбесившихся банд Франко. В горах Гвадалахары текут реки, окрашенные кровью павших бойцов, сады Кастилии и Каталонии обильно политы народной кровью, и в Севилье, Кордове и Бургосе фашисты расстреливают людей.

Франко не пройдет!»

Я замечаю, как гневно заблестели глаза у костровых. Чувствую, это не обычная газетная заметка, это даже не исторический документ, это как бы сама история, сама жизнь заговорила с ребятами.

Рая Филиппова рассказывает о Хосе Диасе, бывшем в те годы генеральным секретарем испанских коммунистов, о его соратниках — «красных гвоздиках Севильи», об их нелегкой борьбе.

Звучат стихи Рафаэля Альберти.

А потом Валя Погуляева напоминает эпизоды из мужественной борьбы моряков «Комсомольца», корабль которых был потоплен франкистами.

И снова стихи — о легендарной Пасионарии, об испанках, молодых бойцах интербригад...

К костру подходит комсорг «республики» Миша Бурков.

— Знаете ли вы, кто стал первым Героем Советского Союза на Алтае? — спрашивает он.

Нет, не знают. И тогда Миша рассказывает волнующую повесть о жизни и боевых делах летчика Ивана Ивановича Евсевьева, ныне генерал-лейтенанта, живущего в Киеве, бывшего алтайского комсомольца из Затона. Это он стал первым Героем Советского Союза на Алтае. За подвиги в небе Испании.

МОЯ!..

Слово берут организаторы встречи, представители клуба пролетарской солидарности молодежи «Восход». И начинается разговор о дружбе молодежи Алтая с испанскими подпольщиками-коммунистами. «Восходовцы» рассказывают о нынешней Испании, ее молодых рабочих, студентах, их борьбе. Читают письма, стихи, которые регулярно присылают в клуб испанские борцы.

Я узник.
Мне трудно следить из тюрьмы,
как мир вырывается к правде из тьмы.
Где правда?
Мешаются мысли,
и словно — в ушах —
летучие мысли крылами шуршат.
А где-то куранты
державно строги...
Два мира,
две жизни.
Враги — не враги?
Я узник.
Мне трудно ответить. Я слеп,
а камера у́же, чем каменный склеп.
Прикладами в дверь:
— На допрос! Сапоги. —
От боли смешивается красный и черный,
качнется земля, как политзаключенный...
Подняться, «Интернационал»,
помоги!

Впервые за всю жизнь «республики» был нарушен режим — никто «не заметил» время отбоя. В конце встречи ее участники сами, по своей инициативе, решили принять два документа: письмо к своим сверстникам из борющейся Испании и обращение «Всем! Всем! Всем! Мальчишкам и девчонкам Алтайского края».

«Мы обращаемся к тебе, наш юный друг! Кто бы ты ни был — комсомолец, пионер, октябренок, — помни! Тысячи и тысячи твоих ровесников в далекой Испании лишены самого необходимого — хлеба, жилища, свободы, потому что до сих пор в этой стране господствует фашистский режим кровавого диктатора Франко. Лучшие из лучших сынов этой многострадальной страны в неимоверно трудных условиях подполья ведут борьбу за свободную Испанию. Им очень нужна твоя братская поддержка и помощь.

Рассказывай об их борьбе в школе, на улице, дома! Посвящай им специальные выпуски своих стенных газет и передачи школьных радиоузлов! Организовывай воскресники солидарности! Подумай, чем еще ты можешь помочь своим отважным ровесникам из далекой и очень близкой нам Испании!»

А эхо разносит над Катунью, Алтайскими горами: «Гренада, Гренада, Гренада моя!..»

Д. ГОРБУНЦОВ

КАК ЖИВЕТСЯ В КОЛУМБИИ

Хорхе Саламея происходит из старинной аристократической семьи испанских переселенцев. Он и сам принадлежал к высшей знати, занимал пост министра просвещения, был полномочным послом Колумбии в Мексике. Но Хорхе порвал со своей средой. «Поэт не может быть реакционером», — и в этом глубокое убеждение Хорхе Саламея.

Его начинают травить, тридцать лет его отовсюду выживают, не печатают. Но он продолжает писать. Как поэт, как автор сатир «Великий Бурунду-Бурунда умер», «Превращения его сиятельства», поэм «Ветер с Запада» и «Сны на лестницах», он завоевал себе всемирную известность.

Саламея понимает, что в наше время недостаточно быть только гуманистом. Кроме сочувствия к людям, нужно мужество борца. Этими качествами и обладает Хорхе Саламея, недавно удостоенный Ленинской премии за укрепление мира между народами.

Мы спросили поэта о творческой молодежи Колумбии, о том, как она может проявить свой талант, свое призвание.

— Условия жизни советской и колумбийской молодежи столь различны, что советским юношам и девушкам, наверное, трудно даже будет поверить моему рассказу, — сказал Саламея. — Несколько слов о колумбийском детстве, прежде чем перейти к юности. В Колумбии около двух миллионов детей школьного возраста. Из них учатся примерно 750 тысяч. Значит, один миллион 250 тысяч ребят, преимущественно деревенских (ибо нехватка преподавателей и школ особенно ощутима в деревне), в школу ходить не могут. С другой стороны, при бедности крестьянину крайне важно иметь больше рабочих рук, и он их находит, как мы говорим — «половинка рабочих рук» в виде женских и «четвертушка» в виде детских.

Я не спрашиваю о детях рабочих и крестьян в университете — их, видимо, там вообще нет в высших учебных заведениях.

— Должен заметить, что государственный университет предоставляет некоторые возможности студентам. Тут и не очень высокая плата за обучение, и дешевые студенческие столовые, и общежития. Другое дело — частные университеты, которые призваны воспитывать новое поколение чиновников и управляющих, идущее на смену старшему поколению господствующей олигархии.

Но даже несмотря на льготы, которые предоставляет студентам государственный университет, из крестьянских слоев нашего общества в университет попадает один из тысячи, а из рабочих — один из ста.

Теперь о творческой молодежи. В государственном университете создаются кружки любителей искусства, и число их в последнее время растет. Но у нас в стране до сих пор нет профессиональных трупп...

Мне показалось это невероятным, поэтому я переспросил Хорхе, и он твердо, как все, что он говорит, отрезал:

— Нет! Мы видим театры только тогда, когда к нам приезжают иностранные труппы. Но отсутствие национальных театров, — продолжает Саламея, — постепенно восполняется созданием экспериментальных, внутри университетов. Таким образом, в этой области у нас уже открываются некоторые возможности для проявления талантов драматургов, режиссеров и актеров.

В музыке ситуация несколько сложнее. На страну с 18 миллионами жителей у нас всего один симфонический оркестр «Симфоника насиональ». Оркестр располагает скудным казенным бюджетом и изредка получает подачки от богатых меценатов. Но это хороший оркестр. Он нередко добивается похвалы знаменитых дирижеров международного класса.

(Окончание на стр. 9)

ВСТУПЛЕНИЕ В ЖИЗНЬ

Хотят ли русские войны?

Я недоуменно посмотрел на собеседницу, маленькую сероглазую девушку с пышными каштановыми волосами. Магги — так ласково называют ее друзья — только что говорила со мной о разных пустяках: холодно ли сейчас в Москве, понравились ли мне автобаны — шоссейные дороги, люблю ли я пиво... И вдруг этот вопрос, прозвучавший словно выстрел.

— Войны? Нет, Магги. Наш народ слишком много пережил в прошлую войну. Мы строим мирную жизнь. Но всегда готовы дать по зубам любителям совать свой нос в чужие дела.

— Сегодня в нашем молодежном клубе «Индепендент» проводится дискуссия как раз с таким названием: «Как ты думаешь: хотят ли русские войны?» Мы приглашаем вас на эту дискуссию. Она посвящена Октябрьской революции.

У входа во вместительный пивной зал, арендованный за солидную плату, двое дюжих парней продавали пригласительные билеты стоимостью в две марки. Клуб «Индепендент» не имеет своего постоянного помещения. Власти весьма неохотно идут навстречу тем молодым людям, которые настроены резко отрицательно к реваншистской, милитаристской политике правящих кругов Федеративной Республики Германии. Поэтому каждый раз приходится выделять из скудных членских взносов порой значительную сумму за аренду зала. Как правило, еще дается обязательство, что каждый присутствующий на вечере закажет по два-три бокала пива — заранее запланированная хозяином бара дополнительная прибыль.

На этот раз собралось около ста человек. Очень разномастная публика. От боевых, рабочей закалки ребят до «ультралевых» молодчиков в грубошерстных свитерах. На дискуссию пришли также ветераны рабочего движения, видные деятели социал-демократической партии, лидеры различных молодежных и профсоюзных объединений, представители Немецкого союза мира.

Магги оказалась вице-президентом клуба. Хрупкая на вид девушка держалась за председательским столом настолько спокойно и свободно, что создавалось впечатление, будто она всю жизнь была только функционером. А между тем Магги днем работает в универсальном магазине, а вечера посвящает общественной деятельности.

Сейчас в Западной Германии все больше появляется таких беспокойных молодых людей, как Магги, которые ищут ответы на острые вопросы жизни. Послевоенное поколение, усиленно обрабатываемое в антикоммунистическом духе мощной пропагандистской машиной газетно-журнального концерна Шпрингера, радио и телевидения, хочет знать правду о событиях внутри и вне страны. Хочет знать о загадочной великой восточной державе — Советской России, которая с успехом отразила многочисленные атаки мирового империализма и продолжает строить самое справедливое общество на земле — коммунизм.

— Я старый солдат, один из тех, кто воевал в России. — Это говорит высокий седой мужчина. — Недавно я снова побывал в Советском Союзе. Познакомившись с их жизнью, я понял, что ответом на вопрос «Хотят ли русские войны?» может быть только «нет!».

Эти слова вызвали аплодисменты, но кое-кто хмурился и даже пытался свистеть. Им не понравилось, что старый солдат сказал правду. Им не нравился и огромный лозунг во всю стену «Да здравствует Красный Октябрь!». К счастью, таких людей было мало.

В зале знали о присутствии советских журналистов. Поэтому, естественно, нас забросали вопросами, порой наивными, порой провокационными. Но мне казалось, что все эти вопросы свидетельствовали об искреннем желании услышать о советском образе жизни, об истории Октября, о становлении первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян. Это уже немало для Западной Германии, где запрещена Коммунистическая партия и прогрессивно мыслящих людей считают чуть ли не «агентами Кремля». Вот некоторые из этих вопросов:

Как возникли Советы депутатов трудящихся и чем они занимаются?

Кем финансируются молодежные издания?

Почему в СССР одна партия и нет оппозиции?

Могут ли молодежные организации критиковать партию? Не попадает ли им за это?

Как советские юноши и девушки готовятся к взрослой жизни?

Какова система образования и что она дает молодежи?

В чем роль рабочих комитетов на предприятиях?

Что дала революция народу?

Почему у вас не протестуют против службы в армии, не сжигают повесток?

До каких пор Советский Союз будет демонстрировать на военных парадах свою мощь, если даже враги знают о ней?

Четвертая корреспонденция из ФРГ.
Начало в № 3, 4, 6 за 1968 год.

В чем смысл воспитания советского человека?

Почему Советский Союз мирно живет с Соединенными Штатами Америки, когда во Вьетнаме идет война?

Чем можно доказать, что Советский Союз строит коммунизм?

В подобного рода политических дискуссиях мы принимали участие чуть ли не ежедневно в различных городах: во Франкфурте-на-Майне и Дуйсбурге, в Эссене и Дюссельдорфе, Кёльне и Дортмунде, где имеются молодежные клубы, группирующиеся вокруг прогрессивного журнала для рабочей молодежи «Элан», по приглашению которого мы совершали поездку по Западной Германии.

В Дортмунде после одной из таких острых дискуссий я встретился в кафе с Ильзой Дрешке, которую недавно избрали президентом клуба «Индепендент».

— Было выставлено несколько кандидатур, — рассказывала Ильза, — но каждые четыре человека из пяти проголосовали за меня.

Ильзе Дрешке 25 лет. Она руководит небольшим женским ателье в Дортмунде. В клуб «Индепендент» вступила одной из первых.

— Я и не предполагала, что пользуюсь таким авторитетом! — Ильза смущенно замолкает и оглядывается на Магги, которая сидит тут же рядом. Та ободряюще кивает. — Доверие парней и девчат постараюсь оправдать. Членом нашего клуба может стать каждый молодой человек от 16 до 26 лет, если он выступает за признание Германской Демократической Республики, за отмену запрета Коммунистической партии Германии, за мирное сосуществование между народами, против угрозы ядерной войны, возрождения милитаризма и неонацизма, атомного вооружения бундесвера. В нашем клубе — рабочие и студенты, школьники старших классов и преподаватели. Ребят значительно больше, хотя президентом и вице-президентом клуба избраны девушки, — улыбается Ильза.

Постепенно девушки познакомили меня с планом работы клуба, который поразил обширной тематикой — от современного фольклора до истории рабочего движения в Германии. Совет клуба, куда входят, помимо президента и его заместителя, еще казначей и секретарь по текущей работе, занимается конкретной подготовкой тех или иных мероприятий. Обычно по пятницам устраиваются политические или социально-экономические дискуссии, а по субботам просмотры кинофильмов, танцы. Так в ближайшее время было задумано провести две дискуссии: «Влияет ли заработная плата на рост цен» и «Признание ГДР — долг каждого честного немца». А в субботу после фильма «Русское чудо» должно было состояться его обсуждение. Вопрос звучал так: «Русское чудо. Почему оно стало возможным?»

Конечно, один клуб, каким бы авторитетным он ни был, не в состоянии объединить по всей стране политических единомышленников. Вполне логично, что такие клубы, как «Индепендент», выступили с инициативой создания единой марксистской молодежной организации.

5 мая 1968 года, в день рождения Карла Маркса, в рурском городе Эссене был основан Союз социалистической немецкой рабочей молодежи. На его первом съезде присутствовали 395 делегатов и гостей из всех земель Федеративной Республики Германии. Средний возраст делегатов — 19,8 года. 85 процентов — рабочие и служащие, 8 процентов — учащиеся, 7 процентов — студенты. Председателем правления, которое состоит из 25 человек, был избран 27-летний журналист из Дортмунда Рольф Юрген Пример.

Во время поездки по Западной Германии мне несколько раз довелось встречаться с Рольфом. Это очень энергичный молодой человек, способный журналист и организатор. В своих статьях, печатавшихся в «Элане» и в других прогрессивных изданиях, Рольф резко выступал против чрезвычайных законов и лживой буржуазной пропаганды, осуждал преследования коммунистов, призывал молодых рабочих бороться за улучшение условий труда, против незаконного увольнения в связи с автоматизацией производства, требовал признания ГДР и существующих в Европе послевоенных границ. Его активная общественно-политическая деятельность вызвала у реакционеров злобу. Они не раз посылали ему подметные письма с угрозами, с помощью полиции устраивали на его квартире обыски в поисках компрометирующих материалов. Но Рольф не падает духом. У него много настоящих, искренних друзей. Среди молодых рабочих он пользуется большим авторитетом. И поэтому не случайно Рольф стал первым руководителем Союза социалистической немецкой рабочей молодежи.

Что же представляет собой этот союз? Рольф однажды заявил:

— Нужно дать политическую родину юным марксистам ФРГ. Наша стихийная борьба против несправедливости и за прогресс человеческого общества должна стать организованной борьбой.

Вот об этом и шла в основном речь на первом, учредительном съезде союза во время обсуждения устава и программы действий. Конечной целью союз ставит создание социалистической Германии, в которой Флик и Тиссен, Маннесман и другие капиталистические магнаты будут лишены экономической и политической власти. В обращении съезда ко всей западногерманской молодежи говорится: «И если нам господа сверху даже десять раз в день твердят о том, что у нас нет классового общества, мы больше не верим ни одному их слову. Мы их раскусили на улицах Рура, на биржах труда, под ударами полицейских дубинок. Разговоры об «общем благе» — это лишь тонко рассчитанная ложь, хитрый трюк власть имущих... Мы должны противопоставить этому тренированному противнику организацию, которая планомерно, шаг за шагом будет бороться за прогресс и подлинную демократию... И если мы будем едины в своих требованиях, будем бороться за основные права человека не стихийно, а организованно, будем проявлять боевую солидарность с международным демократическим и социалистическим движением, то нас ничто не остановит, и мы одержим победу».

Прогрессивная юность Западной Германии вступает в сознательную политическую жизнь. И чем больше будет появляться таких молодых людей, как Магги и Рольф, тем легче подлинным демократам вести борьбу с темными силами реакции, со всеми, кто стремится повернуть назад колесо истории.

А. ФЕДОТОВ, наш специальный корреспондент

КАК ЖИВЕТСЯ В КОЛУМБИИ

(Окончание. Начало на стр. 7)

— Есть и консерватория?

— При национальном университете, как один из его факультетов.

— Ваше мнение о молодых литераторах?

— У нас, как и всюду, юноши стремятся писать стихи или прозу. Одной из моих добровольных обязанностей как старого писателя и одновременно профессора университета читать произведения молодых людей. Разумеется, половину авторов этой продукции приходится огорчать, объясняя им, что они не наделены литературным даром.

— Ну, а если юноша по-настоящему талантлив? Как и где он может развернуться, проявить себя?

— Видите ли, у нас существует так называемая «большая пресса». Газеты каждое воскресенье помещают большое литературное приложение. Естественно, что молодые люди горят желанием увидеть себя напечатанными в этих приложениях. Но принадлежат газеты крупным и крупнейшим предпринимателям. Не подумайте, что крупным издателям, воротилам печатного дела. Ничего подобного. Они принадлежат чисто коммерческим компаниям, у которых на первом, и на втором, и на последнем месте — извлечение наибольшей прибыли. А так как экономика Колумбии в значительной части зависит от магнатов США, то легко можно понять, насколько владельцы газет заинтересованы в развитии отечественной литературы.

Отстаивание коммерческих интересов неизбежно приводит к дискриминации начинающих писателей. Из молодых поощряются лишь конформисты. С недоверием и враждебностью встречают тех, кто в той или иной форме проявляет мятежный дух, неприятие действительности, кто протестует против существующего строя. Такое положение во всех отраслях литературного творчества, и оно влияет весьма отрицательно. Ведь это стимулирует прежде всего посредственности, бездарей.

Последствия всего этого катастрофичны для всей колумбийской культуры в целом. Когда на щит поднимаются фальшивые ценности и делается все, чтобы замолчать подлинные, люди перестают понимать, в чем настоящие достоинства произведений искусства. Читатели и массы зрителей дезориентируются, разочаровываются и даже начинают цинично пренебрегать интеллигенцией и ее деятельностью.

Хорошая современная литература, которая все же создается в Колумбии, появляется в противоборстве с существующим порядком, вопреки ему.

Интервью взял Л. ШЛЕЙФЕР

Наш журнал поддерживает дружеские контакты со многими молодежными изданиями за рубежом. Недавно гостем «Ровесника» был венгерский журналист Кароль Антал. Он представлял журнал «Кепеш уйшаг».

Кароль Антал не впервые в нашей стране. Как опытный журналист, он всегда спешит на место событий. Венгерская молодежь хотела больше знать о нашей целине и ее молодых героях — и Антал здесь. Он побывал в Казахстане, Восточной Сибири. В своих репортажах и фотоочерках рассказал о городе вечной славы Ленинграде, об Украине, солнечном Крыме. На этой странице Кароль Антал познакомит нас с некоторыми сторонами жизни юношей и девушек социалистической Венгрии.

KÉPES ÚJSÁG

ЖУРНАЛ МОЛОДЫХ

ХАНШАГ

Это началось в Ханшаге. Одиннадцать лет назад. В низменную, заболоченную местность, прибежище гадюк, колыбель суеверий, пришли люди и поставили палатки прямо на трясине. Когда лагерь был построен, началась такая буря, что первые отряды комсомольцев с трудом могли добраться до места. Мощные вездеходы застревали на дороге, а ходить по болотистой земле можно было только увязая по колено.

Ей нужно было исчезнуть отсюда, трясине. На территории в несколько тысяч гектаров необходимо было проложить каналы для осушения земли.

Так Ханшаг стал колыбелью движения за создание молодежных строительных лагерей. Здесь в неимоверно трудных условиях молодежь показала, на что она способна. Инициатором этого движения был КСМ — Коммунистический союз молодежи Венгрии.

С тех пор ежегодно 15 процентов всех школьников и студентов во время летних каникул работают в строительных лагерях и помогают госхозам.

За десять лет (данные этого года не включены в общие результаты) они превратили 40 тысяч хольдов в плодородную землю, построили 311 километров каналов, проложили 12,5 километра дорог, переместили 1 800 000 кубометров грунта, собрали 1 миллион центнеров фруктов и овощей.

Я видел первый лагерь в Ханшаге, был свидетелем огорчения ребят, когда буря разрушила палатки, и их радости, когда они завершили строительство небольшой части первого канала. Видел их стертые ладони и энтузиазм соревнования.

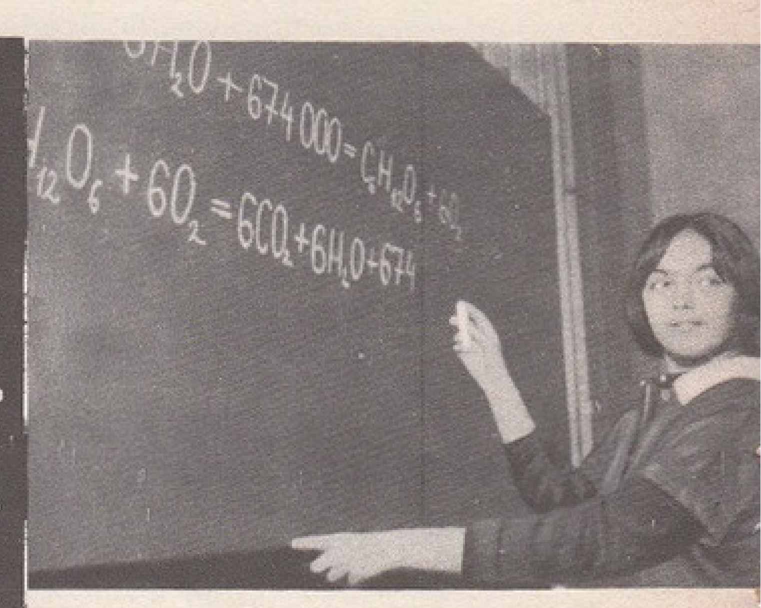
Из ханшагского семечка выросло ветвистое дерево. Уже на второй год в это движение включились девушки, которые работают в садоводстве и овощеводстве так же хорошо, как и ребята.

Стоит в Ханшаге памятник на месте первых палаток. Их и сейчас много в этих районах, но гораздо дальше от того места, где стояли первые. Стягивается трясина — большую площадь отвоевала у нее молодежь.

В июне начинается и до конца августа продолжаются строительные работы по всей стране. Сменяя друг друга каждые две недели, ребята работают в садах и на огородах, на кукурузных полях производственных кооперативов. В этом году в лагерях побывало почти 30 тысяч учащихся.

Молодежное строительное движение вступило в свое второе десятилетие.

ШКОЛА И ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Урок биологии.

Анна Фазекаш, ученица последнего класса двенадцатилетней школы с производственным обучением имени Яноша Чере в Апаче, четко излагает сущность фотосинтеза и пишет на доске его формулы. В аудитории установлены микрофон и четыре скрытые телекамеры. Двумя этажами выше в демонстрационных залах расположились студенты филологического факультета, будущие преподаватели. С помощью четырех телевизионных экранов они наблюдают за отвечающей, за классом, за учителем.

Такой способ подготовки преподавателей применяется в этой школе с прошлого года. Идею подали преподаватели Бела Бучко и Ласло Халич.

«Если учесть, что по сравнению с 350—400 филологами — выпускниками 1960 года — в этом учебном году университет оканчивают 800 человек, необходимо найти новый способ подготовки будущих преподавателей», — говорит Бела Бучко.

Раньше филологи приходили на урок группой в 25—30 человек и занимали последние ряды. Следовательно, класс они видели сзади, не говоря уже о том, что их присутствие смущало школьников. Да и невозможно было наблюдать за каким-либо учеником в течение целого часа.

Теперь, когда на помощь пришло телевидение, почти 300 стажеров могут следить за уроком, обмениваться мнениями, спорить. Как у всякого нового явления, у этого способа подготовки преподавателей имеются свои сторонники и противники. Решающее слово скажет время, и, по нашему мнению, оно будет за мониторы и телевизионные камеры.

МОЛОДЕЖЬ ПОДБИРАЕТ АКТЕРОВ

Фильм выйдет на экраны только в конце года, но о нем венгерские газеты писали так много, как ни об одном нашем фильме. И этот интерес вполне обоснован: фильм во всех отношениях необычный.

Название: «Звезды Эгера».

Режиссер: лауреат премии Кошута Золтан Варкони.

Актеры: лучшие венгерские артисты и несколько тысяч статистов.

Расходы: в три раза больше, чем на средний венгерский фильм.

Но главная особенность в том, что часть актеров выбирала молодежь.

Немного истории. Название города Эгера в Венгрии — синоним геройства и храбрости. Более 400 лет назад герои Эгера совершили подвиг, слава о котором живет и поныне.

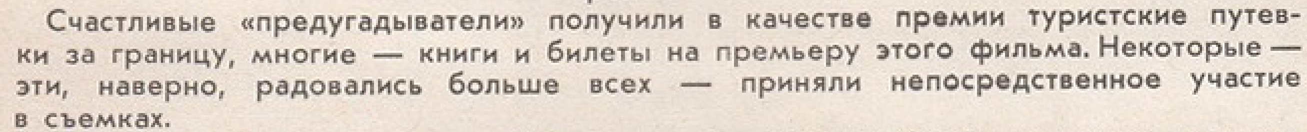
В XVI веке Турецкая империя захватила у Венгрии большую область. 11 сентября 1552 года 150-тысячная турецкая армия под руководством великого визиря Ахмеда и будайского паши Али подошла к стенам Эгера — важнейшего ключевого пункта.

В крепости находился отряд в две тысячи человек под начальством капитана Иштвана Добо. Две тысячи против ста пятидесяти! И все же после более чем месячной осады потрепанная турецкая армия отступила.

Этот выдающийся подвиг был воспет в романе Гезы Гардони «Звезды Эгера». Мало кто в Венгрии не читал этой книги.

Фильм представляет собой экранизацию романа, который полностью основан на исторических фактах. У режиссера было нелегкое положение: героев каждый знает «лично». Имена Иштвана Добо, героического капитана, его лейтенантов: Мекчеи, Борнемисса, Петхё, жестокого турка Юмурджака, Еву Чесеи, цыгана Шаркёзи звучат привычно даже для маленьких школьников.

Кого на какую роль выбрать? На помощь пришел журнал Союза молодежи «Ифьюшаги магазин». Был брошен лозунг: «Проведем сами распределение ролей! Ты можешь стать одним из творцов первого венгерского суперфильма».

Частично конкурс был игрой: побеждал тот, чьи «советы» в двух, трех, четырех случаях совпадали с окончательным распределением ролей.

Счастливые «предугадыватели» получили в качестве премии туристские путевки за границу, многие — книги и билеты на премьеру этого фильма. Некоторые — эти, наверно, радовались больше всех — приняли непосредственное участие в съемках.

Можно назвать еще одну особенность этого фильма. Фильм снимался не в окрестностях Эгера, хотя часть крепости сохранилась. Неподалеку от Будапешта, на горном массиве Пилис, построили точную копию бастионов бывшего укрепления, которые и остались там после съемок, к немалой радости туристов.

Венгерская публика с огромным интересом ожидает появления этого своеобразного фильма.

НОВАЯ ДЕРЕВНЯ ИЗ ДЕТСКОГО СНА

Дома, крытые камышом, далеко протянувшаяся улица, колодец с журавлем и стадо, ранним вечером направляющееся домой, — такой рисует себе житель города деревенскую идиллию. Если бы еще к этому городские удобства!

Когда-то человека, который хотел бы соединить все это воедино, называли мечтателем. Сейчас «мечтатели» — строители, экономисты, социологи, специалисты по сельскому хозяйству — уже трудятся над проектом такой деревни. У них есть помощники, такие же фантазеры. Эти помощники — дети.

Деревню будущего было решено построить за Тиссой, в Секкуташе. Выбрали поселение, может быть, и не самое типичное: дома в отдалении друг от друга, на километр один хутор. Но сделали это с определенной целью: новая деревня объединит разрозненные хутора. Это очень важно, потому что почти полмиллиона человек в Венгрии живет на хуторах.

Школьники Секкуташа получили задание нарисовать, в каких домах и в какой местности они хотели бы жить. Вооружившись карандашами, цветными мелками и кисточками, ребята с азартом принялись за дело. Из простых рисунков, созданных маленькими, неопытными руками, медленно вырисовывался сон: «В такой деревне я хотел бы жить».

Городской комфорт и деревенская тишина.

Дети нашли самую суть. Широкие солнечные улицы, деревья, цветы, кусты и сады вокруг домов. Красиво и удобно. Дети не отрывались от действительности, они не хотели жить в многоэтажных домах, но общественные здания — сельский Совет, Дом культуры, центральные управления производственного кооператива — непременно должны быть современными и многоэтажными.

Когда проектировщики приступили к разработке чертежей, все это было учтено. И вот макет готов. Началось строительство новой деревни, которая превзойдет даже самые идиллические представления о ней.

НЕ БЫЛО БЫ СЧАСТЬЯ, ДА НЕСЧАСТЬЕ ПОМОГЛО

Халатность тоже иногда бывает полезной. Сгорел дом, и погибло все, что там было. После пожара развалины не расчистили, и благодаря этому мы сейчас имеем возможность увидеть в музее уникальную находку.

Пожар этот случился лет тысячи две назад. Добычей огня стало также и здание пожарной команды. И вот уже в наши дни в Третьем районе Будапешта, в Обуде, во время закладки трансформаторной подстанции были найдены металлические части римского органа, которые пощадил огонь. Орган этот реставрировали, его звучание записали на пластинку, и теперь любой человек может слушать у себя дома музыку, которая звучала две тысячи лет назад. Орган служил для развлечения дежурных пожарников, а также не позволял им заснуть в ночное время.

Когда-то на этом месте стоял Аквинкум, столица одной из провинций Римской империи — Паннонии. По развалинам можно восстановить картину жизни провинциальной столицы. Аквинкум состоял из двух городов: гражданского и военного. И тут и там были амфитеатр и бани. Стояли роскошные дворцы, и самый богатый из них принадлежал, конечно, наместнику. В домах имущих граждан имелось центральное отопление! Под полом, поднятым на каменные опоры, струилось тепло. Были здесь и театр, и рынок, и харчевня. Обнаружили скульптуры, посуду, каменные плиты дворцов с надписями, стекла, драгоценности, оружие. И все это тысячелетиями покоилось под улицами, по которым сегодня звенят трамваи.

КАПИТАН „АФРИКИ“

Штормило. Волны подбрасывали судно к небу, усеянному заклепками звезд. Потом провал, свист ветра и снова взлет, и все это без дождя и туч — так изредка бывает в этой части Индийского океана, в проливах Пемба и Занзибарском. «Африка» не впервые попадала в непогоду. Сегодня же ей приходилось тяжко. За буксиром, до предела натягивая трос, грузно переваливаясь с волны на волну, шла громадная баржа с продовольствием. Но то еще полбеды.

Капитана беспокоила команда. Всеволод Козакевич плавал с иностранным экипажем, отдавал распоряжения на сложном «синтетическом» языке, состоявшем из слов суахили, английского и русского. Правда, под палубой в машинном отделении работал еще один соотечественник, старший механик Леонид Кравчук. Но что могут сделать эти два человека, если оборвется трос! Понадобится помощь экипажа.

Когда буксир оборвался, Всеволод вдруг успокоился. Несчастье случилось. Теперь уже сомнения ни к чему, надо действовать. Капитан попросил вахтенного вызвать из кубрика добровольцев для спасения баржи. Явились все свободные от вахты: и матросы, и механики, и даже стюарды. В эту трудную минуту команда пошла за своим капитаном...

На борт теплохода «Африка» Козакевич и Кравчук прибыли в июне 1964 года, вскоре после освобождения Занзибара от гнета султана и английских колонизаторов. До этого местные моряки плавали с английскими судовыми специалистами и ровно ничему не научились у них за долгие годы. Офицеры британского флота не раскрывали команде своих секретов, доверяли людям лишь чистку и смазку механизмов. На всем Занзибаре было два человека с дипломами специалистов мореходного дела.

Первое впечатление от команды, с которой предстояло выйти в рейс, — настороженность. Видимо, все ждали, что покажет плавание. Сумеет ли новый капитан провести судно среди коралловых рифов, едва прикрытых водой и рассыпанных на подходах к портам восточноафриканского побережья?

Знакомились равнодушно: «Русские? Пусть будут русские. Нам все равно». В работе это равнодушие подтверждалось тем, что экипаж словно не заметил, как русские командиры сами приняли участие в профилактическом ремонте изношенных машин и агрегатов «Африки». Дни и ночи напролет возились Всеволод и Леонид на палубе и в трюме. Команда не проявила к их труду никакого интереса.

БЛАГОДАРНАЯ „ДАЙСЕ-МАРУ“

В кабинете Николая Петровича Дгебуадзе висит огромная карта. Сотрудники отдела спасательной службы то и дело подходят к ней. Их внимание приковано к десяткам флажков, расставленных в советских территориальных водах. У кромки Черного моря приколоты «Атлант», «Посейдон», «Багратион». В просторах Средиземного моря затерялся «Горячий», где-то на Балтике блуждает «Гермес». Посреди выцветающего раздолья Атлантики — «Бесстрашный» и «Исполнительный».

Речь идет о дислокации судов спасательной службы. В связи с проведением спасательных операций ежедневно возникают десятки вопросов, касающихся режима пограничных вод, а кроме того — вопросов чисто экономических.

За время нашей беседы с начальником отдела в кабинет почти одновременно доставили две телеграммы. В первой, с борта спасателя «Гермес», говорилось о финском танкере «Вирма», севшем на мель в районе Клайпеды. Вторая была от дальневосточников, вышедших в море для оказания помощи японской шхуне «Тыне-мару».

Пока шел обмен депешами с посольствами, Николай Петрович ответил на наши вопросы, касающиеся работы X Международной конференции морской спасательной службы в Париже. Дгебуадзе представлял на этой конференции нашу страну.

С какой целью проводятся такие конференции?

Аварии всегда сопутствовали мореплаванию. В последние годы особенно тесно стало на морских дорогах. Возросли скорости кораблевождения, усилилась конкуренция пароходных компаний. Все это в дополнение к объективным факторам — штормам, мелям и туманам — увеличило число морских катастроф. Парадокс современного кораблевождения, как ни странно, в том, что подготовка специалистов отстает от темпов судостроения. Теперь труднее обучить людей пользоваться навигационными приборами, чем оснастить суда этими приборами. По данным Общества ливерпульских страховщиков, число погибших крупных морских судов в прошлом году 163.

Расскажите о правовой стороне спасательного дела?

Спасание гибнущих людей — благородная и гуманная акция, святой закон мореплавания с давних времен. Что же касается грузов и самих судов, то здесь дело поставлено на коммерческую основу. Если операция заканчивается успешно, то долг пароходной компании спасенного судна возместить потери, связанные с отклонением от курса и другими затратами спасающего судна. Международные арбитражные комиссии следят, чтобы вознаграждение соответствовало установленной норме.

В местах особенно напряженного судоходства — таких, например, как пролив Зунд, — пограничные формальности вообще отменены. Наша страна договорилась о сотрудничестве в спасательном деле с 11 соседними государствами, а с Данией такое соглашение предусматривает свободный заход в территориальные воды спасателей той и другой страны.

В каких районах самые трудные операции?

В наиболее сложной гидрометеорологической обстановке проводятся спасательные операции на Дальнем Востоке. Приведу случай с экипажем японской шхуны «Дайсе-ма
у мыса Пираткова на К
мару-23», переданные
зались ошибочными, и
не обнаружили шхуну.
и пурга не давали по

Когда одному из с
удалось обнаружить с
ложение ее было кри
на кормовую рубку и
Рыбаки могли замерз
глотит морская пучина
нялись и тем, что шху
средственной близости

Несколько человек
попробовали спастись
минут плот разнесло в

Двое суток длилась
моряков. С невероятны
чикам удалось снять
Японское посольство в
ность и грамоты отли
За прошлый год сове
была оказана помощь 4

Группы морских спас
ке, перебрасываются с
вертолетами. Диапазон
чайно обширен — вся
ности этих групп разн
людей с дрейфующих
поврежденных лопасте
портных судах и ледок

ИНТЕРВЬЮ „РОВЕСНИКА"

...у-23», потерпевшей аварию
...мчатке. Координаты «Дайсе-
...онской радиостанцией, ока-
...высланные к ней спасатели
... тому же 11-балльный ветер
...яться самолетам.
...етских спасательных судов
...ящую на рифах шхуну, по-
...ческим. Команда забралась
...ачту, торчавшие из воды
...ть еще до того, как их по-
...Действия спасателей ослож-
...а терпела бедствие в непо-
...т многочисленных скал.
... экипажа «Дайсе-мару-23»
... плоту, но через несколько
...епки.
...рьба за жизнь 18 японских
... трудом советским вертолет-
...ставшийся экипаж шхуны.
...Москве передало благодар-
...вшимся в этой операции.
...кой спасательной службой
... судам зарубежных стран.
...телей, работающих в Аркти-
...еста на место самолетами и
...действия этих групп необы-
...рктика. Характер деятель-
...бразен, начиная от снятия
...ьдин до смены на плаву
... гребных винтов на транс-
...ах.

В. ДУБИНСКИЙ

СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ ЧЕЛОВЕК

В первое время только один человек не оставался безучастным — матрос Салум Али. Этот худой и гибкий, как кошка, подросток исподтишка следил за манипуляциями Кравчука в машинном отделении. Иногда его лицо принимало выражение неподдельного изумления.

Однажды Леонид увидел в руках Али «Приключения королевских пиратов».

— Гарная книжка, — сказал Кравчук, перелистывая засаленные страницы. — В другой раз возьму почитать, а пока времени нет, — и он извлек из какого-то закутка «Ремонт судовых механизмов» на английском языке.

— Ченьдж? (Меняемся?), — предложил нетерпеливо Али. Кравчук рассмеялся.

— В качестве пособия твоя книжка малость устарела. Как же я буду по ней двигатель ремонтировать? Вот что я тебе скажу — бери мой справочник, когда хочешь, и читай.

С тех пор Али всегда можно было найти внизу, у Кравчука. А команде эта дружба показалась невероятной.

— Шеф, вы что-то объясняете Али, пока мы стоим в порту, вместо того чтобы гулять. Зачем?

— Судно должно плавать, а для этого нужно его вовремя ремонтировать. Вот я и учу Али.

— Это записано в контракте?

— Нет, не записано.

— А сколько вы получите за эту работу?

— Ни шиллинга.

— Зачем же вы сидите в темном колодце вместо развлечений? Вам так лучше?

— Вот именно.

Заговор молчания был нарушен. Леонид рассказал матросам «Африки» о советских моряках, о том, как в случае необходимости помогают они друг другу, не считаясь со временем.

Через несколько дней «Африка» вышла в плавание. Всеволод Козакевич повел судно от Занзибара к острову Пемба, а затем в Момбасу, Дар-эс-Салям, Килве-Кивиндже, Линди, на остров Мафия. Трасса опасная, экипаж необученный. Взаимоотношения с командой в море гораздо сложнее, чем на суше. И все-таки советских моряков уже не считали чужаками.

Первые «челночные» рейсы между портами Занзибара и континентальной Африки прошли благополучно. Изучив район плавания, Всеволод сдал экзамен на звание лоцмана портов Танзании и Кении. Узнав, что новый капитан «Африки» успешно проводит судно через коралловые бухты, министр коммуникаций Занзибара попросил его выполнять почетные обязанности инспектора Регистра. Русский капитан приступил к освидетельствованию всех судов, приписанных к порту Занзибар. Кроме обычных рейсов, теплоход «Африка» прокладывал телеграфный кабель по дну океана. Новый капитан так организовал службу, что кабельные и гидрографические работы продвигались вдвое быстрее.

Казалось, все наладилось. «Африка» стала приносить доход, хотя в прежние времена работала в убыток. Команда слушала навигационные лекции «сэра» Кравчука. Старший механик учил людей определять на слух неполадки в работе двигателя. И вдруг в поведении команды появилась нервозность. Распоряжения капитана пропускались мимо ушей. Помощники Комба и Рамазан словно воды в рот набрали.

Тайна раскрылась на одной из стоянок. Капитан Козакевич, придя в кают-компанию, увидел там важно восседавших стюардов. Старший из них церемонно встал и объяснил:

— Мы посоветовались и постановили: у нас каждый должен обслуживать себя сам. И теперь наши повара занимают законное место за вашим столом.

— Вы, конечно, думаете, что субординацию придумал я? — спросил их Козакевич, усаживаясь рядом. Все молчали. — Это заблуждение. Много лет тому назад по молодости и я впадал в это заблуждение. Но я рано стал взрослым. Так же рано, как и ты, Али. И как старший повар Шаа Абушири, и как моторист Наги Камис.

Рассказ капитана о себе был, как никогда, кстати. Бандиты убили в Кишиневе его отца — коммуниста. Помнит войну, эвакуацию. Помнит то время, когда стране понадобился труд подростков. Учился в школе, в мореходке, на курсах штурманов. Ходил рядовым матросом на десятках судов. В 1957 году вступил в партию коммунистов.

Беседа продолжалась за полночь. Почувствовав, как тает ледок недоверия, Козакевич сказал:

— Каждый из нас должен делать свое дело, потому что стюард не может управлять судном, а штурман не знает кулинарных секретов. Во всем должен быть смысл и порядок.

После раздумий, и уже не обижаясь, выступил старший помощник Табо:

— Спасибо, капитан, за уважение к нам. Вы настоящий моряк. Мы готовы вам повиноваться. Теперь-то мы знаем, что вы не господин, а друг, не наемник, а честный доброжелатель.

Оглядев еще раз команду, Табо прокричал:

— Слышите, мы будем выполнять все приказания капитана!

Баржу с продовольствием пытались заарканить несколько часов. Все это время трос упорно не хотел закрепляться на пляшущей громадине. Когда трос снова вытянулся в звенящую, туго натянутую струну и баржа присмирела, над морем занимался рассвет.

Капитан всю ночь не уходил с мостика. Не ушел он и под утро, когда, негромко переговариваясь, моряки разошлись по каютам и кубрикам. «И все-таки холодновато встретили они свою победу. Такой, видно, характер у них — скупы на похвалы». Не успел об этом подумать Козакевич, как на мостик поднялись двое — старший помощник Табо и смазчик Али.

— Не спится что-то, капитан, — пробурчал вполголоса Табо. — Душно в каюте.

— Что еще нужно сделать, капитан? — спросил Али...

Ю. АНДРЕЕВ

ЛЕКЦИИ ПО КЛАДКЕ КИРПИЧА

Вот уже почти сто лет, как США полностью подчинили своим интересам экономическую и политическую жизнь стран Латинской Америки. За последние 75 лет Соединенные Штаты более 60 раз грубо вмешивались во внутреннюю жизнь государств континента. Они сменяют правительства и правителей, на кабальных условиях захватили венесуэльскую нефть, чилийскую медь, бразильские алмазы. Единственное, что им не удалось подчинить себе, — умы и сердца свободолюбивых народов. Одну из причин такой неудачи буржуазные идеологи США видят в системе высшего образования, которая во многих странах континента имеет общие черты. Конечно, проще всего было бы «собрать все книги да и сжечь», но во второй половине XX века такое «мероприятие» невозможно без чувствительного урона престижу «американской демократии». Он уже так низко пал, что дальше некуда. Госдепартамент США решил повести наступление на латиноамериканские университеты более тонкими и изощренными методами. Мы предлагаем вашему вниманию статью американского студента Аллена Янга, который четыре года провел в колледжах Бразилии в качестве «дружелюбного» американца, и сам был свидетелем политики США в высшем образовании латиноамериканских стран.

Латиноамериканские университеты — учебные заведения для привилегированных, только два процента молодых людей имеют возможность вступить под их порталы. Это колыбель интеллектуальной, политической и деловой элиты континента. Представители средних и бедных слоев общества, как правило, рано «выходят из игры»: они вынуждены идти работать, и к тому же муниципальные (бесплатные) средние школы дают слабую подготовку, а обучение в частных школах слишком дорого стоит.

В течение многих лет университеты только наводили лоск «культуры» на сыновей и дочерей богатых землевладельцев. По традиции они изучали историю Европы, иностранные языки, классические произведения философии и тому подобное. Университетское образование было просто интеллектуальным занятием, не имеющим никакого практического значения. И хотя сейчас некоторые факультеты, как, например, медицинский и инженерный, дают практические знания, основы высшего образования на континенте все те же, что и прежде.

И вот в этих привилегированных учебных заведениях проявились радикальные мысли и начали действовать «бунтовщики».

Марксизм постепенно завоевывает умы тех, кому предстоит направлять жизнь своих народов в недалеком будущем. Явление парадоксальное, и тем не менее оно характерно для большинства стран Латинской Америки. Естественно, что правые военные диктатуры и антикоммунистические правительства, так же как и правительство США, пытаются прикрыть эту вольницу и взять контроль над высшим образованием в свои руки. Правительство США создало специальное Управление международного развития, которое с помощью долларов и североамериканских профессоров пытается приспособить латиноамериканские университеты к нуждам политики и бизнеса США.

По установившейся традиции университеты пользуются относительной академической свободой. Еще в 1918 году студенты Кордовы, внутренней провинции Аргентины, добились принятия «университетских реформ». Реформы включали в себя признание университетской автономии (это означает, что полицейским и армейским подразделениям не разрешается вступать на территорию университетских городков, и 1,5—2 процента национального бюджета обязательно выделяется на нужды университетов без обсуждения в законодательных органах). Студенты получили право участвовать вместе с администрацией в решении всех вопросов, связанных с обучением и программами, и право быть вновь зачисленными в университет почти неограниченное число раз, что важно для тех, кто из-за денежных затруднений вынужден прерывать учебу.

Эти реформы, ставшие вехой в истории стран Латинской Америки, распространились по всему континенту, кое-где они не были осуществлены полностью, но концепции «университетских реформ» стали священными для всех латиноамериканских студентов.

Открыто нападать на университеты за левые взгляды было бы неудобно. Нужен благовидный предлог, оправдывавший

Рис. В. Кириллова

вмешательство США во внутреннюю жизнь учебных заведений. С точки зрения делового человека и Штатов, латиноамериканские университеты непрактичны, это и послужило поводом для вмешательства в их жизнь

Известно, что большинство отраслей промышленности латиноамериканских стран находится в полной зависимости от монополий США, поэтому они особенно заинтересованы в том, чтобы и высшие учебные заведения готовили специалистов по их планам и заявкам. Основанная в Соединенных Штатах корпорация Андерсона — Клейтона, например, нуждается в сельскохозяйственных специалистах и инженерах-химиках, которые справлялись бы с недорого оплачиваемой работой на предприятиях по производству растительного масла в Мексике, Бразилии и других странах. Но Управление международного развития преподносит дело так, что учебные программы должны быть перестроены в интересах стран Латинской Америки.

Одновременно УМР достигает и другую, политическую цель — превратить университеты из идеологических центров в учебные заведения, готовящие узких специалистов, далеких от политической жизни.

Свои капиталовложения УМР направляет по двум путям. Первый — введение практических программ в уже существующих и имеющих свои традиции учебных заведениях; это встречают в штыки и сторонники философско-богословского направления и сторонники марксизма. Но, несмотря на их сопротивление, большие суммы денег вкладываются в эти программы. Другой — создание совершенно новых колледжей с учебными программами, направленными на подготовку узких специалистов. Эти колледжи расположены обычно в небольших городах: например, в городах Ла Серена и Вальдивия в Чили. Студенческие организации там очень консервативны и находятся, очевидно, в финансовой и политической зависимости от США.

Таким образом, свои капиталовложения США направляют на то, чтобы превратить высшие учебные заведения в кузницы кадров сельскохозяйственных специалистов для районов, которые фактически являются экономическими колониями могущественного северного соседа.

Недавно в Вашингтоне я зашел в государственный департамент, чтобы побеседовать с мистером Гарри Сильвестером, ведавшим в УМР связью с прессой и теперь специализирующимся на странах Латинской Америки. Мне хотелось узнать мнение представителей УМР о результатах их деятельности в Латинской Америке.

Мистер Сильвестер считает, что антикоммунизм не единственная причина внимания США к этому району. «Мы заинтересованы главным образом в экономической жизнеспособности этих областей», — заявил он в интервью. Мистер Сильвестер говорит, вероятно, правду, «экономическая жизнеспособность», с точки зрения США, без сомнения, означает создание реформистских учреждений, которые бы гарантировали корпорациям Севера ведущую роль.

Мистер Сильвестер объяснил, что деньги УМР используются как рычаги для усовершенствования университетской структуры. «Мы, — заявил он, — хотим получить как можно больше от вложенных денег. Программа УМР, подобно кладке кирпича, тесно связана с программами строительства школ, финансируемых Всемирным банком и Межамериканским фондом развития». Особое негодование Гарри Сильвестера вызывают «университетские реформы». «Из-за кордовских реформ, — считает он, — нелегко улучшить обучение или руководство латиноамериканской школой. Мы пытаемся помочь бедным дьяволятам (так он именует студентов), но эти реформы используются в политических целях. Автономия ужасно оскорбительна и опасна для правительства. Повторные же зачисления в университет создают профессиональных студентов, действующих как политические организаторы».

В некоторых странах проникновение УМР уже достигло больших масштабов. Например, отдел Управления, ведающий Центральной Америкой и Панамой, сотрудничает с местным Высшим советом центральноамериканских университетов. Созданная ими интегрированная университетская система призвана препятствовать развитию национального сознания. Дело обстоит так, что, например, гватемальский студент подготовительных медицинских курсов должен ехать в Коста-Рику, чтобы продолжить образование. Тем самым его отстраняют от каких-либо значительных политических действий.

В конце 1966 года Бразилия подписала соглашение с УМР. Студенты всех университетов страны объединились и начали борьбу против проведения его в жизнь, так как осуществление этих соглашений положит конец университетской автономии.

Такое же положение создалось в Мексике. УМР разработало «программу развития» для университета Гвадалахара, она субсидируется из фондов Рокфеллера и Форда, в ее осуществлении участвуют 14 университетов юго-западной части США. Задача этой «программы развития» — перестроить обучение так, чтобы готовить удобных и послушных специалистов.

На ее осуществление денег не жалеют: УМР предоставило заем в 3 миллиона долларов, отдел Латинской Америки государственного департамента США выделяет ежегодно в течение пяти лет 150 тысяч долларов, 12 мексиканских профессоров каждый год посещают США и 2—6 североамериканцев приезжают в Гвадалахару.

УМР большое внимание уделяет личным контактам между студентами и преподавателями Штатов и Латинской Америки. Такие контакты, по мнению УМР, должны положить конец враждебности, которая сопровождает появление «янки» к югу от США.

Одна из книг, лежавших на столе мистера Сильвестера во время интервью, называлась «Горькое вино». Ее написал Милтон Эйзенхауэр, когда он был президентом университета Джонса Гопкинса. Горькое вино — это антиамериканизм народов континента.

Для личных контактов выбирают студентов, не блистающих способностями, но зато послушных, способных, по мнению чиновников госдепартамента, в выгодном свете представить США.

Четыре года назад я оказался в числе таких студентов и был послан в Бразилию. Моя роль была четко определена: будьте приличным, дружелюбным, человечным американцем, и, возможно, это заставит ваших университетских друзей поверить, что в конце концов Соединенные Штаты не так уж и плохи. Я мог бы добавить, что мои латиноамериканские друзья считали меня приличным, дружелюбным и человечным именно потому, что я постоянно критиковал внутреннюю и внешнюю политику США и поддерживал кубинскую революцию.

В Соединенных Штатах латиноамериканских студентов пытаются очаровать и ошеломить богатством и «свободомыслием» общества. Их знакомят с планами реконструкции городов (вот как мы стремимся помочь нашим неграм!), предоставляют возможность встретиться с либералами (а иногда даже с одним или двумя радикалами), критикующими определенные аспекты внешней политики США. При этом, само собой разумеется, исходят из того, что студенты вернутся домой с идеализированным представлением о США.

Так действуют официальные лица из УМР и госдепартамента США, чтобы нейтрализовать университетские «горячие места». Военные диктатуры и правые реформистские правительства, созданные при покровительстве США, ведут другого рода атаку на радикальные политические устои латиноамериканских университетов.

В Бразилии после военного переворота 1964 года одной из первых мишеней стали университеты, которым при режиме Жоао Гуларта была предоставлена большая свобода. Через несколько недель после мятежа лучшие представители интеллигенции покинули страну или подверглись преследованиям, которые местный деятель римской католической церкви Аморосо Лима назвал «культурным терроризмом».

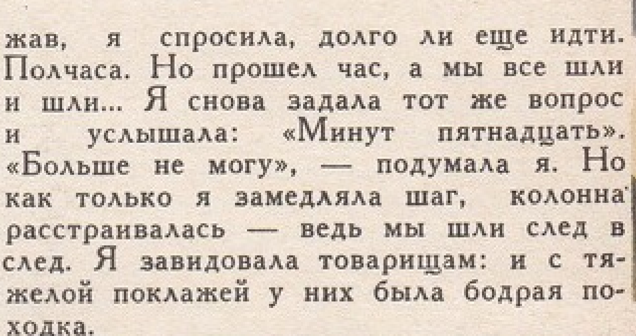
Больше всего пострадал новый университет в Бразилиа. Когда солдаты вошли на территорию Университетского городка, они фактически уничтожили библиотеку и сожгли такие «коммунистические пропагандистские материалы», как книга Стендаля «Красное и черное» и несколько лент с записью уроков японского языка.

В Аргентине президент генерал-лейтенант Хуан Карлос Онгания также повел грубое наступление на университеты. Преподавателям было приказано приносить присягу лояльности министру просвещения; сотни студентов и профессоров были брошены в тюрьмы.

Но, несмотря на все эти репрессии и проникновение США в высшее образование Латинской Америки, студенты продолжают борьбу, многие из них посвящают себя вооруженной борьбе за революционное социалистическое преобразование этого района мира.

Нью-Йорк **Аллен ЯНГ**

Бом диа, камарада Невена!

В джунглях так называемой «португальской» Гвинеи в рядах национально-освободительного движения сражается Невена Араужо. Партизаны зовут ее «Камарада Нела». О себе Невена сообщает: «Я болгарка. Закончила факультет журналистики в Московском государственном университете. В Москве познакомилась со студентом Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы Жаном Араужо и вышла за него замуж. В 1966 году, когда Жан получил диплом врача, мы уехали на его родину».

Долгое время сестра Невены и ее друзья в Софии не получали от нее вестей. Но вот в Болгарию на XI съезд Димитровского коммунистического союза молодежи приехал друг и соратник Жана Араужо — Жозеф Тюрпен. Он привез привет от Невены и ее мужа, фотографию и дневник Камарады Нелы.

— Все удивляемся ее мужеству, — рассказывал Жозеф. — Камарада Нела участвует в труднейших походах и военных операциях. Не всякий мужчина так же смел, как она. Героические страницы борьбы нашего народа должны быть запечатлены для поколений свободных людей, которые будут жить после нас. Нела Араужо станет нашим летописцем. Сейчас Фронт национального освобождения специально для Невены готовит на свободной партизанской территории Китафин современную фотолабораторию.

Мы публикуем страницы из дневника Невены Араужо, переданного нам болгарским журналом «Младеж». Эти страницы рассказывают о первой боевой операции Камарады Нелы.

22 мая — первое боевое поручение. Последняя проверка: фотоаппарат киноленты, магнитофон, батареи и главное — записные книжки, авторучки. Партизаны смотрят на меня как-то странно.

— Что случилось? Смотрите, словно я не вернусь.

— Камарада Нела, тебе идет форма. Но учти: там постоянно бомбят, и вообще зачем тебе идти? Вернутся товарищи, расскажут, и ты напишешь свои репортажи.

— И потом с этой обувью, — вмешивается Нино.

Нино, один из партизанских командиров, о котором слагают песни и легенды. В одной рассказывается: однажды португальцы схватили Нино и бросили в карцер. Оттуда невозможно было убежать. Но Нино, как бесплотный дух, проник сквозь стены тюрьмы. Так утверждает молва. Только несколько юношей, которые целую ночь копали подземный ход, ведущий в карцер, улыбаются, слыша это.

Около 23 часов мы тронулись к пристани. Беззвездный вечер. Все молчат. На пристани Нино снова:

— Нела, ты взяла одеяло, кофе, молоко?

— Даже не подумала.

В этот момент кто-то сказал, что обо мне позаботились и мои вещи уже на пароходе. Прощаемся. Пароход отчаливает. На берегу машут беретами.

Я смотрю на оставшихся партизан. Они участвовали во многих сражениях, попадали не раз под бомбежки, но гордо и смело шли к заветной цели. Мне стало тяжело дышать, как будто комок подступил к горлу.

Марио, один из участвовавших в операции, подошел ко мне:

— Нела, такова борьба: встречаемся, привыкаем, расстаемся...

Дождь усиливался, но мы не уходим с палубы.

— Этот пароход, — говорит Марио, — и те три, что у пристани, отбил у «туттес» Нино с ребятами. («Тут» — так презрительно называют здесь португальских колонизаторов.) А вот у борта стоит высокий парень, Ансумба, — пожалуй, самый смелый человек. Он организовал восстание в Китафине, куда ты сейчас едешь. Тогда было тяжело. Не хватало оружия, кругом болезни, голод. Повсюду «туттес». Днем Ансумба скрывался в лесах, а ночью ходил по деревням и объяснял людям, что нужно подниматься на борьбу. Многие погибли. Но Ансумба остался в живых на горе «туттес». Он создал партизанский отряд, который наводил страх на карателей.

— Далеко еще до фронта? — спросила я.

— Завтра доберемся. А там, в Китафине, красиво. Уверен, тебе понравится, — рассказывал Марио, а я слушала его слова сквозь дремоту.

Наше судно пристало к глинистому берегу. Дальше мы не могли плыть — было мелко. Нас ожидала длинная узкая лодка. Пересели в нее, поплыли вверх по реке. Река узкая. С берега тянулись к нам лапы деревьев, кустарников и в темноте больно хлестали по лицу. Время от времени ночную тишину нарушали резкие птичьи голоса. Правда, я не уверена, что это были птицы. Может, сигнал? Я включила магнитофон и ждала момента, чтобы записать эти звуки, но Марио рассердился и приказал не двигаться. Мы пристали к болотистому берегу и быстро прошли по болоту к другой речушке.

Путешествие по этой речке было еще труднее и продолжительнее. На носу лодки стоял человек, который то и дело длинным шестом мерял глубину. Когда было совсем мелко, несколько человек соскакивали и толкали лодку. Берег, к которому мы причалили, был совершенно открытым. Луна предательски освещала нашу колонну. Мы почти бежали. Но вот показался опять лес. И снова бегом. Лес кончился, и мы попали в болото, ноги вязли по колено. Мой багаж забрали партизаны. Лишь фотоаппарат остался у меня. «Только бы не замочить», — думала я, держа его над головой, но болото становилось все глубже и глубже. Какие-то растения заплетали ноги.

Кто-то подал руку, и я зашагала увереннее. Марио, который тоже с трудом передвигался, усмехнулся: «Это еще цветочки».

Когда, наконец, мы выбрались из болота, я поняла: обувь моя осталась там, в иле. Придется идти босой. И только сейчас мне стало ясно, что означали слова Нино: «В этой обуви...»

Я чувствовала, нужно мобилизовать волю. А так хотелось остановиться хотя бы на минутку и отдохнуть! Не выдержав, я спросила, долго ли еще идти. Полчаса. Но прошел час, а мы все шли и шли... Я снова задала тот же вопрос и услышала: «Минут пятнадцать». «Больше не могу», — подумала я. Но как только я замедляла шаг, колонна расстраивалась — ведь мы шли след в след. Я завидовала товарищам: и с тяжелой поклажей у них была бодрая походка.

Лишь рано утром — Китафин. Я тотчас же направилась в больницу, где работал муж. Марио передал меня ему, так сказать, живой и здоровой, но не преминул все же высказаться:

— Доктор, я против, чтобы женщины шли на фронт — обувь теряют. Вообще журналисткам нужно писать о спорте, а не о войне. Правда?..

Муж рассказал мне о последних событиях.

— Ты прибыла вовремя. Нужно показать всему миру, что происходит здесь. Это не просто колонизаторы — это фашисты. Перед твоим приездом я был в соседнем селе у тяжело больной женщины. Обратно шел с одной семьей: мужчина, трое женщин и мальчик. Нес сумку с большим красным крестом. Вдруг самолет. Летчик заметил нас и стал обстреливать. Не знаю, как я остался жив. Все погибли. Лишь одна женщина была тяжело ранена. Я сделал все, чтобы спасти ее. Но вскоре пришла мать раненой и рассказала о смерти мальчика. Раненая разволновалась и через час скончалась...

Я никогда не видела его таким взбудораженным.

Почти совсем рассвело. Стали собираться медсестры. Они рассказали о бомбежках, о раненых, погибших. Наш разговор прервался с приходом высокого юноши, который сразу же представился:

— Паскуало — политический комиссар. Добро пожаловать! Товарищи говорили, что трудный путь вы выдержали блестяще. Значит, можете участвовать и в сражении, но для этого надо научиться кое-чему.

Он посмотрел на часы и добавил:

— Через пятнадцать минут — занятия. Дайте ей обувь!.. Спешите, утро ясное, у нас не любят такую погоду.

В этот момент собака политкомиссара легла перед нами.

— Предупреждает о «жато», — сказал Паскуало.

Вскоре появился бомбардировщик — «жато». Но зенитчики встретили его ураганным огнем. И он был вынужден отступить.

«Высший пилотаж и низкая мораль», — подумала я и спросила политкомиссара:

— Паскуало, как ты думаешь, хорошо подготовлены португальские летчики?

— Я сам видел сбитые нами самолеты западногерманских и американских марок. Не знаю, были ли на них летчики-португальцы. Если бы мы боролись только против португальских колонизаторов, то давно бы их выбросили с нашей земли.

За разговором мы даже не заметили, как дошли до места. Занятия уже начались. На нас никто не обратил внимания, только инструктор подошел, поздоровался и спросил:

— Что умеете?

— Ничего.

— Возьмите этот автомат, сделайте так, так и так, — начал он объяснять и тут же повернулся к другим.

После обеда вместе со свободными от дежурства медсестрами начала делать стенгазету. У нас был портрет генерального секретаря партии Амилькара Кабрала и вырезки из газеты «Либертасаон» («Свобода»). Мы уже закончили стенгазету, когда появился «жато».

В 17 часов 50 минут началась бомбежка. Через 15 минут «жато» взял направление на Бисау. Там экипаж должен получить специальное вознаграждение, которое полагается за такие полеты. Ночью, как обычно, стрельба. Утром возле больницы на огромной пальме вывесили стенгазету. Все, кто шел к госпиталю, останавливались. Многие из партизан и крестьян, услышав о стенгазете, специально приходили посмотреть. Некоторые приносили карикатуры. Мы даже не ожидали, что стенгазета вызовет такой интерес.

Вечером, возвращаясь с занятий, снова встретились с «жато». Самолет минут двадцать сбрасывал напалмовые бомбы. Джунгли горели...

Мы разошлись на поиски раненых. Нашли несколько с легкими ожогами.

30 мая в 12 часов 25 минут «жато» прилетел снова и начал делать отчаянные пируэты. И вдруг «жато» задымил и резко отвернул в сторону Сула. Через несколько дней партизаны Сула сообщили, что самолет, сбитый зенитчиками Китафина, упал у них.

В июне нам сказали, что занятия прекращаются. После этого к нам пришел фельдшер с центральной партизанской базы.

— Доктор, — сказал он, — приготовь необходимое. Завтра в поход. Товарищ Нела должна пойти со мной на базу.

На базе меня встретил Паскуало.

— А, здравствуй. Имей в виду, будет жарко.

Вскоре послышалась команда:

— Тронулись!

Колонна направилась к лесу. Я шла последней рядом с Паскуало.

Было 11 часов. По обеим сторонам тропинки — яркие цветы и манговые деревья. Вскоре стало жечь тропическое солнце.

По лицу тек пот, гимнастерки были мокрыми. Мне казалось, еще минута — и сердце выскочит из груди. В голове билась только одна мысль: «Выдержать, выдержать, выдержать!..»

— Нела, посмотри налево, видишь развалины? — Это Паскуало.

— Какие? Я вижу только столб и часть стены.

— Да... А ведь здесь было большое селение. «Туттес» спалили его и убили жителей...

По дороге мы видели и другие развалины, на месте которых когда-то стояли жилые поселения.

— Вот тут, именно тут, — сказал Паскуало, — после победы мы построим красивые города.

Я шла последней, и расстояние между мной и колонной все увеличивалось. Один из партизан схватил меня за руку и потащил. Там, впереди, в кустарнике, уже отдыхала наша группа. Недалеко находилась португальская казарма. Вперед ушли разведчики и подрывники. Мы ждали их условленного знака.

В 18 часов 12 минут — сигнал. Все заняли свои места.

В 18 часов 15 минут земля вздрогнула от взрыва. Казарма запылала, застучали наши автоматы. Нам отвечали, но вскоре огонь противника был подавлен. Все. Задача выполнена. Нам пора уходить. И тут на нас обрушилась артиллерия. Это три военных корабля португальцев, что стояли на рейде. Под обстрелом мы опять пересекли высохшее болото. Добрались до леса. Разведчики сообщили, что три вертолета целый день вывозили убитых карателей.

Рис. А. Дуданова

В нашем журнале работает отдел «Отвечаем на все вопросы». Вопросы о жизни молодежи за рубежом принимаем по почте и телефону 290-36-55.

ОТВЕЧАЕМ НА ВСЕ ВОПРОСЫ

1 Расскажите, как учатся студенты Северного Вьетнама.

В. ПОСОХОВ
г. Вольск

2 Хотелось бы прочесть в вашем журнале, в каких международных выставках принимает участие наша страна.

Д. СОМОВ
г. Братск

3 Какие новые книги о В. И. Ленине появились в последнее время?

Л. ИВАЩЕНКО
г. Житомир

4 Как появился фильм «Фантомас»?

г. Брест Л. МАРТЫСЮК

1 Отвечает корреспондент АПН Б. ШУМЕЕВ.

Траншеи, ходы сообщения, множество землянок и бамбуковых построек, километры дорог, проложенных в густых зарослях джунглей. Таким предстал передо мной Институт инженеров транспорта и коммуникаций — одно из 34 высших учебных заведений ДРВ.

Я беседую с Хоанг Лан — студенткой факультета механизации строительных работ, прошу Лан рассказать об эвакуации института, о первых днях после прибытия на новое место.

— Собирались недолго, — рассказывает она. — Брали то, что можно было унести на себе. До узловой станции ехали поездом, дальше — пешком. Когда прибыли на место, оставалось два месяца до начала учебы. Ни жилья, ни света, ни воды. Мы разделились на бригады. Одни готовили площадки, корчевали лес, другие рыли колодцы, третьи заготавливали бамбук, остальные строили. Через два месяца выросли общежитие, аудитории, столовая. К занятиям приступили вовремя. Сначала по вечерам занимались при коптилках или у костров. Трудно было с продовольствием. Решили сажать маниоку и другие овощи. Большинство наших студентов — горожане и с землей до того дела не имели. Высадить по 300 саженцев маниоки каждому не так-то просто. Но среди нас не нашлось ни одного, кто не выполнил бы этой нормы. Урожай собрали хороший, и теперь мы полностью обеспечиваем себя продовольствием.

Нгуен Нят Куанг, заместитель директора по учебной части, предлагает осмотреть институт. Впрочем, осмотреть весь институт за день невозможно: он расположен в пяти провинциях. Здесь, куда я приехал, — три факультета. На площади 75 квадратных километров разместились аудитории, лаборатории, мастерские, кузница, общежитие, спортплощадки, библиотека, читальные залы, столовая, плац для занятий по военной подготовке, стрельбище...

На дорожно- и мостостроительном факультете меня встретил декан Лег Ви Ан. Он свободно говорит по-русски. В 1966 году защитил диссертацию в Московском институте инженеров железнодорожного транспорта. Уже два года руководит факультетом, где учатся около 700 студентов.

— Наши старшекурсники, — рассказывает Ан, — недавно ездили в провинцию Куангбинь для восстановления участка дороги и моста. В последний день практики американцы сбросили в районе моста бомбы замедленного действия. Студент Мин Виет Тхиен решил добровольно остаться, чтобы помочь саперам. В институт он не вернулся: погиб при взрыве бомбы.

— Два года назад, — вспоминает Лег Ви Ан, — у нас не было ни электричества, ни нужной аппаратуры. Мы взяли с собой только самые легкие приборы. Многое сделали сами. Недавно получили новую аппаратуру. Большую помощь в организации учебы и научно-исследовательской работы оказали нам советские специалисты. Советское правительство командировало к нам профессоров из Новосибирска, Горького, Киева, Ленинграда. Они жили и работали вместе с нами. Здесь, в джунглях, мы не

чувствуем себя одинокими. Нам регулярно шлют техническую и справочную литературу, специальные журналы из СССР, Польши, ГДР, других братских стран. Коллеги из этих государств поддерживают нас теплыми, дружественными письмами.

...В Ханой я уезжал поздно вечером. Снова промелькнули траншеи, землянки, бамбуковые постройки... Затерявшийся среди непроходимых зарослей городок науки. Но именно здесь, в джунглях, готовятся кадры специалистов для восстановления и строительства дорог, мостов, переправ, портов, аэродромов... Именно здесь и уже сегодня закладываются основы новых отраслей промышленности завтрашнего Вьетнама.

2 Интервью с начальником управления советских выставок за границей Р. ЗОРИНЫМ.

Сорок четыре года назад наша страна впервые приняла участие в Международной ярмарке в Лондоне. В первом советском павильоне — скромной избушке в традиционном стиле — были выставлены немногочисленные предметы экспорта молодой страны социализма: лен, канаты, меха...

В нынешнем году в лондонском выставочном зале «Эрлс-корт» советская экспозиция насчитывала 8 тысяч экспонатов, многие из которых успешно конкурируют с продукцией ведущих западных фирм. Изделия, выставленные на стендах, ошеломляют не только рядового посетителя, но и самого придирчивого специалиста.

На фотографии вы видите один из экспонатов выставки — 100-местный теплоход на подводных крыльях «Комета», который не уместился в павильоне «Эрлс-корта», и стоит на Темзе у моста Тауэр.

Уже много лет мы с успехом участвуем в ярмарках в братских социалистических странах. На четырех ярмарках 1967 года — в Лейпциге, Брно, Пловдиве и Познани — образцы советских товаров получили 36 золотых медалей.

В плане 1969 года — организация выставок в 18 странах. Но опыт прошлого года, когда нам пришлось открывать «внеплановые» павильоны на выставках Марселя и Боготы, подсказывает, что в данном случае 18 — это число преуменьшенное.

География советских выставок чрезвычайно разнообразна. В самых отдаленных уголках земного шара эти своеобразные островки Советского Союза всегда привлекают многочисленных посетителей. Одна из самых дальних наших

3 Отвечает студент исторического факультета МГУ В. ХОХЛОВ.

ЖИВОЙ ЛЕНИН. Воспоминания писателей о В. И. Ленине. Изд-во «Художественная литература», 1965.

ТАКИМ БЫЛ ЛЕНИН. Воспоминания современников. Политиздат, 1965.

М. И. УЛЬЯНОВА, О Ленине. Политиздат, 1966.

В. А. КАРПИНСКИЙ, Владимир Ильич Ленин. Вождь — товарищ — человек. Политиздат, 1966.

О. Б. ЛЕПЕШИНСКАЯ, Встречи с Ильичем. (Воспоминания старой большевички.) Политиздат, 1966.

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ, Рассказы о Ленине. Политиздат, 1966.

С. Ф. БЕЗВЕСЕЛЬНЫЙ и Д. Е. ГРИНБЕРГ, О Ленине. Воспоминания зарубежных современников. Политиздат, 1966.

К. А. МАШТАКОВА, Великий и простой. Политиздат, 1966.

С. САРТАКОВ, Первая встреча. Изд-во «Молодая гвардия», 1967.

А. Б. МЕЛЬНИКОВ, Как разгоралась «Искра». Изд-во «Знание», 1967.

Л. ВИДГОП, А. СУХОТИН, Дружба великая и трогательная. Изд-во «Молодая гвардия», 1967.

П. Д. МАЛЬКОВ, Записки коменданта Кремля. Изд-во «Молодая гвардия», 1967.

Н. Д. КОСТИН, Из новых воспоминаний о Ленине. Политиздат, 1967.

А. С. КУДРЯВЦЕВ, Л. Л. МУРАВЬЕВА, И. И. СИВОЛАП-КАФТАНОВА, Ленин в Женеве. Политиздат, 1967.

Б. А. ГАЛИН, Строитель нового мира. Очерки о В. И. Ленине. Изд-во «Художественная литература», 1967.

В. ЧИКИН, Сто зимних дней. Изд-во «Молодая гвардия», 1968.

Н. НЕЧВОЛОДОВА, П. РЕЗНИЧЕНКО, Юность Ленина. Изд-во «Молодая гвардия», 1968.

Н. К. КРУПСКАЯ, Будем учиться у Ильича. Изд-во «Молодая гвардия», 1968.

ЛЕНИН — МАСТЕР РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРОПАГАНДЫ. Политиздат, 1965.

Л. А. ФОТИЕВА, Из жизни В. И. Ленина. Политиздат, 1967.

Ю. М. ЮРОВ, Путешествие по ленинской адресной книжке. Политиздат, 1967.

М. Л. ГОЛЬДЕНШТЕЙН, О том, как В. И. Ленин любил музыку. Изд-во «Музыка», 1967.

М. М. ЭССЕН, Встречи с Лениным. Политиздат, 1966.

Ю. СЕРАДСКИЙ, Польские годы Ленина. Перевод с польского. Политиздат, 1966.

В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ, В. И. Ленин в Петрограде и в Москве (1917—1920 гг.). Политиздат, 1966.

Е. Н. ЛОГИНОВА, Великое напутствие. Изд-во «Знание», 1965.

П. Е. НИКИТИН, Здесь жил и работал Ленин. Политиздат, 1966.

Л. ДАВЫДОВ, Светом ленинских идей. Политиздат, 1967.

А. В. КАРАГАНОВ, Фильмы о Ленине, о революции. Изд-во «Знание», 1966.

Г. Е. ФРАДКИН, На экране — ленинская мысль. Изд-во «Искусство», 1966.

Ж. Г. ДОЗОРЦЕВА, Образ Ленина в советской музыке. Изд-во «Знание», 1966.

М. ШАГИНЯН, Первая Всероссийская. Роман-хроника. Изд-во «Молодая гвардия», 1966.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВЕТСКИХ ХУДОЖНИКОВ. Изд-во «Советский художник», 1967.

СТИХИ О ЛЕНИНЕ. Изд-во «Художественная литература», 1967.

Л. Ф. ВОЛКОВ-ЛАННИТ, В. И. Ленин в фотоискусстве. Изд-во «Искусство», 1967.

С. ЛЕСНЕВСКИЙ, Товарищ Ленин. Композиция: воспоминания, стихи, рассказы. Изд-во «Молодая гвардия», 1967.

4 Отвечает журналист Д. ПРОШУНИНА.

Он был молод. У него были идеи и не было денег. В то «доброе старое время» еще не знали, что такое «вакуум идей», и Париж был наводнен молодыми людьми, для которых «карьера» и «деньги» звучали синонимами. Предложение проектов и идей превышало спрос. Но репортеру из «Маленького парижанина» все же удалось пробиться к издателю. Переговоры заняли не больше пяти минут.

— Мне нужен приключенческий полицейский роман с продолжением. Деньги после того, как первая книга исчезнет с прилавков, — сказал издатель Фэйяр.

Сделка состоялась, и через десять дней заказчик мог познакомиться с первой серией.

— «Фантомас», — поднял брови издатель. — Ну что же, отлично, пусть будет «Фантомас».

Шел 1911 год.

В последующие тридцать два месяца появилось еще тридцать две серии. Отставной английский офицер — ветеран англо-бурской войны и старая дама, аристократ и рабочий, крупный промышленник и старомодный австралийский фермер — за всеми этими ряжеными скрывался король преступлений Фантомас.

— Какой темп! — удивлялись друзья удачливого репортера. — Ведь это же просто немыслимо — написать роман за десять дней.

— А кто вам сказал, что я его пишу, — в свою очередь, удивился репортер.— Первые три дня мы обдумываем детали (до 1914 года «Фантомас» имел двух авторов), три дня наговариваем текст на диктофон (в те далекие времена запись шла на восковые ролики), день уходит на переписку, и три дня — на вычитку, исправление ошибок и несоответствий. Это ведь не единственная моя работа, — скромно добавил человек, нашедший золотую жилу. — Хочется ведь что-нибудь делать и для души.

Прошло 57 лет. «Фантомас» обошел пять континентов, был переведен на 22 языка... Кто не знает Фантомаса? Но кто слышал о Марселе Аллэне — его авторе?

И сегодня, когда удачливому репортеру из «Маленького парижанина» 83 года и в активе 597 написанных, а вернее надиктованных, книг, он недоволен. Денег у него достаточно, идеи его больше не волнуют, но вот слава... слава вся ушла к Жану Марэ и Луи де Фюнесу. Несколько лет назад режиссер Андре Юнебелль вытащил полузабытого «Фантомаса» на экран.

— Они исказили дух моих произведений! — возмущался он. — Дамы рыдали над страницами «Фантомаса», а мужчины покрывались гусиной кожей от ужаса. В зрительном же зале, если кто и вытаскивал носовой платок, так только для того, чтобы вытереть слезы смеха. Они сделали из моих романов пародию.

В этом трудно не согласиться с Марселем Аллэном. Американский журналист Тревор Армбристер писал однажды, что в городе Гватемале (столице Гватемалы) кинотеатры пустовали во время демонстрации американского боевика «Бонни и Клайд». Объяснилось это просто: «Зачем смотреть насилие на экране за деньги, когда его можно увидеть на улице бесплатно?» Сегодня в жизни так нередко почтенные буржуа без всяких масок и маскарадов совершают преступления, и явные и скрытые, что переодевания короля преступлений воспринимаются как пародия. И мир так часто видит кровь и убийства, что забавы Фантомаса выглядят игрушкой рядом со статистикой преступности.

торгово-промышленных выставок открывается в будущем году в Сан-Пауло (Бразилия), куда нас настойчиво приглашают уже несколько лет подряд. Возобновляется участие в Сиднейской ярмарке (Австралия). Дано согласие на организацию советской экспозиции в Тунисе, Каире и Карачи, куда мы отправляемся впервые. При подготовительной работе учитывается растущий авторитет Советского Союза как торгового партнера. Вместе с тем советские выставки несут миру правдивую и исчерпывающую информацию о жизни народов СССР, о замечательных достижениях первой страны социализма в области экономики и культуры.

Масштабы экспозиционной работы чрезвычайно разнообразны. Если территория Советской выставки в Лейпциге насчитывает 14 тысяч квадратных метров, то в ливийском городе Триполи расположен самый маленький сборно-разборный павильон в 700 квадратных метров. Столь же многообразны и формы экспозиционной работы. Обращает на себя внимание огромный интерес посетителей к жизни и достижениям отдельных союзных республик. Мы учитываем это. Широко будут показаны достижения среднеазиатских республик в советском павильоне на II Азиатской международной ярмарке в Тегеране. На ярмарке в турецком городе Измире Грузия будет иметь свой самостоятельный отдел. Успехи советской Молдавии будут широко представлены на ярмарке в Пловдиве, Азербайджана — в Алжире, Белоруссии — на традиционной Лейпцигской ярмарке.

Несколько слов об открывающейся в 1970 году в японском городе Осаке Всемирной выставке. Главная идея выставки выражена в ее девизе: «Прогресс и гармония для человечества». Особую ответственность на нас накладывает то, что выставка совпадает со 100-летием со дня рождения В. И. Ленина. Строительство советского павильона на этой выставке уже началось.

ПОВЕСТКА О МОБИЛИЗАЦИИ

САКЭ КОМАЦУ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Сегодня после работы я ходил в больницу проведать отца и возвращался домой несколько позже обычного. На одной из улиц нашего микрорайона мне повстречался Такэи, мой сосед и сослуживец. К нам в отдел он пришел недавно, сразу после университета. Жил Такэи один, в доме холостяков. Мы кивнули друг другу, и я хотел было пройти мимо, но он меня окликнул.

— Оно-сан... я давно собираюсь вас спросить. Не знаете, что это такое? Я получил это дня три-четыре назад.

Он вытащил из кармана помятый конверт. Из надорванного края выглядывал красноватый листочек.

— Да ведь это... — Я невольно повысил голос, пробежав глазами бумажку. — Это повестка о мобилизации в армию!

— Я и сам вижу. Объясните, пожалуйста, что такое «повестка о мобилизации»?

Такэи только в этом году окончил университет, ему от силы двадцать четыре — значит, во время войны он был совсем еще сосунком.

— Повестка... Ну, это вызов, что ли. Раньше, когда гражданских лиц призывали в нашу бывшую армию, им присылали такую вот повестку.

— Гм... да... — пробормотал Такэи в явном замешательстве. — Но почему ее сейчас прислали мне?

Действительно, если подумать, бессмысленный, глупый розыгрыш. Человек старшего поколения, получив подобную бумажку, еще мог бы испугаться. Но на современного юношу, даже не знавшего, что такое «повестка о мобилизации», вряд ли это могло произвести впечатление.

На следующий день, придя на работу, я с головой окунулся в дела и совершенно забыл о вчерашнем разговоре. Перед самым обедом, когда я, наконец, урвал минутку передохнуть, меня подозвал начальник отдела.

— Оно-кун, вы, кажется, сосед Такэи по дому?

— Да.

— Я попросил бы вас заглянуть к нему по пути домой. Что-то его поведение мне не нравится: не успел поступить на работу, а уже позволяет себе отсутствовать без разрешения.

Только тут я заметил, что Такэи нет в отделе. Тогда я не придал этому серьезного значения. Но во время обеденного перерыва, приводя в порядок бумаги на столе, я вдруг обнаружил под ними грязновато-красный листок.

Когда я дрожащей рукой взял повестку, Сакума, молодой парень, тоже поступивший к нам в этом году, сказал:

— Это я получил. Вчера прислали в общежитие. Вот захватил с собой. Подумал, может, знает кто-нибудь, что это такое.

— И вам тоже?.. — Голос мой звучал хрипло.

— А что это? — спросил Сакума. — Извещение о посылке?

Я ничего не ответил и обратился к начальнику отдела:

— Шеф, вы в армии были?

— Был. — Он удивленно взглянул на меня.

— По мобилизации?

— Да. Что это вы вдруг интересуетесь?

Я молча протянул ему листок.

— Ого! Ну и ну!.. Какой шутник этим занимается?

— Повестка о мобилизации так выглядит?

— Н-да... — Шеф прочитал повестку, осмотрел ее со всех сторон. — Да, все точно... Совсем как настоящая. Меня тоже по такой бумажке забрали в свое время.

— Вы хотя бы догадываетесь, кто мог вам ее прислать? — спросил я Сакуму.

— Нет, — ответил он беспечно, не оборачиваясь. — Подумаешь, какая-то паршивая бумажонка!..

— Было время, когда по такой паршивой бумажонке всех без разбора забирали на войну. — Шеф горько усмехнулся и вернул мне листок.

— Как интересно! — воскликнул Гото, сотрудник другого отдела, заглядывая через мое плечо. — Значит, не только я получил?

— Вы тоже получили?! — Мой голос сорвался на крик. — И она у вас при себе?

— Нет, я ее разорвал и выбросил.

— Интересно все-таки, чья это проделка? — спросил Сакума.

— Возможно, какие-нибудь шовинистические организации пытаются посеять панику среди населения, — сказал шеф.

В столовой для служащих в этот день только и было разговоров, что о загадочных повестках. А я все время думал о Такэи. Помнится, в его повестке явка как раз была назначена на сегодня...

Я беспокоился о Такэи, но не мог сразу пойти к нему. Сначала пришлось отправиться в больницу, поговорить с главным врачом относительно состояния отца.

— Операцию делать нельзя, больной не перенесет ее, — сказал главврач. — Лучше оставить его в покое, так он дольше протянет.

Отец, исхудавший, осунувшийся, метался на кровати, не переставая бормотать:

— Вперед! Огонь! Огонь! Враг на правом фланге! Танки!.. Не уходите без меня!.. Не оставляйте меня здесь... умоляю, не оставляйте...

В детстве я не очень любил отца. У нас в доме царил дух милитаризма. Мы с матерью по-настоящему страдали, когда он начинал нас «воспитывать». Однако теперь мне было тяжело смотреть на него: старый — ему давно перевалило за шестьдесят, — больной, беспомощный, а все еще бредит войной.

К Такэи я попал вечером. Его квартира была на замке. Он так и не вернулся домой, а на следующий день снова не вышел на работу. И на следующий день тоже, и на следующий...

Как раз в это время в нашей фирме начали исчезать и другие служащие. Сперва мы думали — парни загуляли, но вскоре выяснилось, что и дома о них ничего не известно. Пропали без вести.

Газеты писали, что за какие-нибудь две недели в Японии исчезло семь тысяч пятьсот парней. Связь с «красными бумажками» совершенно очевидна. Люди пропадают за день до указанного срока явки.

— И куда только смотрит полиция! — возмущался я.

— Полиция не виновата.

— Помните, — вмешался шеф, — несколько лет назад в парламенте поднимался вопрос о подпольной организации, вербовавшей японскую молодежь в тайные добровольные отряды? И потом существуют какие-то банды, торгующие людьми. Молодежь у нас способная, может, похватали наших ребят и отправили в какие-нибудь далекие государства. Там тоже чиновники нужны.

— Но разве банда стала бы заранее предупреждать жертву специальной «повесткой»? Нет, тут что-то другое. Я слышал, все пропавшие — здоровые парни, в возрасте от двадцати двух до двадцати шести лет. И обратите внимание, как правило, вторые сыновья в семье.

— Ну и что?

— А то... — Накадзаки, сотрудник бухгалтерии, пустым взглядом уставился в пространство. — Может быть, это настоящая мобилизация...

Мы с шефом невольно переглянулись. Мне показалось, что очень давно, нет, наоборот, совсем недавно, всего несколько месяцев назад, кто-то уже говорил об этом... о мобилизации... Кто же это был? Где я это слышал?

Страшная, напоминавшая давно окончившуюся войну «повестка о мобилизации» продолжала появляться в почтовых ящиках. Полиция установила, что почта здесь ни при чем: «красные бумажки» не были зарегистрированы ни в одном отделении связи. Кто же опускал их в почтовый ящик?

Родители сыновей, получивших «повестку», с искаженными лицами бежали в полицию — куда же смотрят блюстители порядка? Почему нельзя мобилизовать все силы и ликвидировать эту ужасную банду, похищающую людей? В первое время власти выделяли специальный наряд полицейских для каждого «очередника». Его должны были охранять в течение двадцати

четырех часов до срока явки. Потом, когда «повестки» стали массовым явлением, от этой меры пришлось отказаться — слишком мало было полицейских. Кроме того, молодые люди, получившие «повестку», все равно исчезали, испарялись на глазах. И происходило это всегда за несколько минут до указанного срока, когда «мобилизованный» должен был сесть в поезд и отправиться к месту назначения.

Среди населения началась паника. Каждый день к парламенту отправлялись демонстрации родителей. Число «мобилизованных» достигло нескольких сотен тысяч, и правительство, наконец, поставило этот вопрос на обсуждение. Но разве можно принять какие-либо меры против сверхъестественного явления? «Красная бумажка» была всесильной. Не щадила ни политических деятелей, ни финансовых магнатов, ни молодых знаменитостей — актеров, певцов, писателей, чемпионов. Когда один из самых популярных певцов получил «повестку», его обезумевшие от ужаса поклонники создали «гвардию телохранителей». Но это не помогло. В день и час явки актер выступал на эстраде перед многочисленной публикой. Вдруг он вскрикнул и растворился в воздухе на глазах у онемевших зрителей.

В первый период смятения и ужаса жертвой разъяренной толпы стали почти все так называемые «милитаристские» бары. Наблюдались случаи нападения на музыкальные магазины: обезумевшие люди рвали и топтали ноты военных песен и маршей. Были совершены налеты на телестудии, демонстрировавшие военные фильмы, редакции журналов для юношества с милитаристским уклоном и фабрики игрушек, производившие игрушечные крейсеры, истребители и танки. Каждый день на улицах города можно было видеть демонстрации женщин с плакатами «Долой войну!», «Долой мобилизацию!».

Мужчины были на грани отчаяния. Каждый знал: если получишь повестку, скрывайся не скрывайся, ничто не поможет. Многие пытались бежать за границу. Но это почти никому не удавалось. По совершенно непонятным причинам или виза оказывалась недействительной, или в тот самый момент, когда человек поднимался по трапу на пароход, он исчезал, как дым. Казалось, у тех, кто проводил эту чудовищную «мобилизацию», была своя тайная полиция, как в старые времена в Японии. Поговаривали, будто некоторые охваченные ужасом «мобилизованные» в тот самый момент, когда они должны были явиться на сборный пункт, слышали бряцание сабли. И действительно, довоенные полицейские имели на вооружении сабли...

— Я, кажется, кое-что понял, — сказал однажды Накадзаки, осунувшийся и побледневший от тяжких дум.

— Поняли? Что поняли?

— Причину этих событий...

— Причину? — Я подскочил на стуле как ужаленный. — Какие тут могут быть причины?! Это же сплошное безумие!

— У каждого безумного явления должно быть объяснение, может быть, не менее безумное, чем само явление.

— Но как же можно объяснить эти таинственные исчезновения? Ведь люди исчезают на глазах у всех...

— Во-первых, внезапное исчезновение людей не такое уж редкое явление. — Накадзаки нахмурил брови. — Известны случаи, когда ребенок, прыгнув с забора, словно растворялся в воздухе, не достигнув земли. Бывали и массовые пропажи людей. Например, в восемнадцатом веке на Филиппинах внезапно исчезла целая армия. Через мгновение она появилась в Мексике. А недавно произошел такой случай. Жители эскимосского поселка вдруг исчезли. Их дымящаяся еда осталась нетронутой.

— То есть... — я запнулся, — вы хотите сказать, что все эти люди были поглощены... иномерным пространством?

— В том-то и дело, что иномерным пространством ничего не объяснишь. Если это особое физическое явление, то как увязать с ним «повестки о мобилизации»?

Я не знал, что ему сказать.

— Есть еще одно объяснение, — глубокомысленно изрек Накадзаки. — Предположим, где-то по соседству с нами существует другой мир, точная копия нашего.

— Правильно! — заорал я. — Совершенно верно! И война там до сих пор не кончилась!

— И все же это не дает удовлетворительного объяснения. — Накадзаки посмотрел на меня пустыми глазами. — Если бы эти два мира случайно соприкоснулись, произошел бы, так сказать, обмен. Но люди-то исчезают только у нас...

«Повестки о мобилизации» распространялись по Японии, как чума. В некоторые семьи, откуда исчезали сыновья, стали приходить «Официальные сообщения о смерти». Города и деревни стонали от плача.

— С каждым днем все страшнее, — сказал я жене. — Пока берут мужчин от двадцати до тридцати лет, но, наверно, скоро очередь дойдет и до людей более старшего возраста. Если меня...

— Нет, нет! — Жена так крикнула, что испугала детей. — Не хочу! Не позволю! Сбежим куда-нибудь!

— Бегство не помогает, ты же знаешь. И потом, как я могу уехать, когда отец лежит в больнице?

Не только нас волновали эти проблемы. Правительство, наконец, решило выплачивать единовременное пособие семьям пропавших. Но это была ничтожно малая сумма — курам на смех. А ведь в некоторых семьях, особенно крестьянских, «мобилизованный» зачастую был единственным кормильцем.

■

Приближалось лето. Теплый ветерок шевелил молодую листву деревьев, потоки яркого солнца заливали город. На улицах было полно народу, магазины ломились от товаров, пестрые, броские витрины манили покупателей. На первый взгляд — обычный городской пейзаж, обычная картина поздней весны. Но над всем этим кажущимся спокойствием и довольством маячила грозная тень невидимой войны. На улицах встречалось все меньше молодых, красивых, модно одетых парней. И однажды...

Однажды утром, когда мы пришли на работу, перед нами предстал начальник отдела, обритый наголо.

— Дошел черед и до меня! — сказал он. — Я ведь офицер, связист, так сказать, представитель технических военных кадров. Поэтому, вероятно, они затребовали меня раньше вас.

■

Все стали воспринимать невидимую войну как факт. Некоторые высказывались за возобновление обучения студентов и гражданских лиц военному делу. Другие делали отчаянные и смехотворные попытки избежать неизбежного: выпивали полную миску соевого соуса или целый день висели на турнике вниз головой, надеясь одурачить военврача. Но я ни разу не слышал, чтобы хоть один «мобилизованный» вернулся домой. Отцы и матери отдавали вторых сыновей чужим людям, регистрировавшим их как «старшего сына», или посылали их в монастыри.

На центральных торговых улицах города появились женщины с печальными лицами, которые просили прохожих вышить один стежок на «Поясе тысячи стежков» — старинном талисмане, якобы охранявшем от пуль. Праздник проводов весны вылился в невиданное всенародное торжество. Но печальное это было веселье: людям хотелось гульнуть напоследок, а не насладиться неделей отдыха.

Постепенно все приходило в упадок. «Мобилизованных» насчитывалось теперь уже не сотни тысяч, а миллионы. Из городов почти полностью исчезли двадцатилетние и тридцатилетние мужчины. Мрачная пропасть, поглощавшая человеческие жизни, была ненасытной, и никто не знал, где ее пределы.

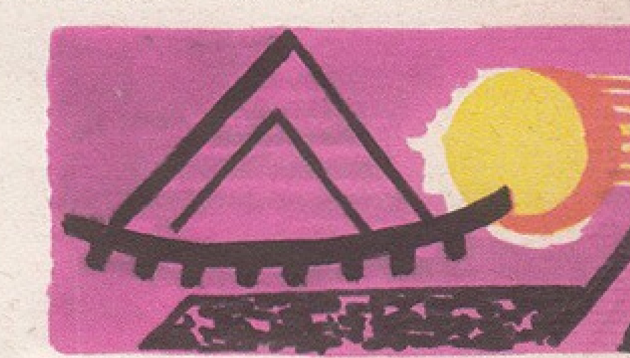
■

Наконец «мобилизация» захлестнула и студентов. Затем «повестки» стали получать подростки. Как видно, положение «на фронте» было критическим, и «там» решили отменить отсрочку, даваемую учащимся высших учебных заведений.

Молодежь с обезумевшими лицами и пустыми глазами слонялась по городу. Многие начали пить, дебоширить, хулиганить. Другие самозабвенно занимались автоспортом — лихачили, попадали в катастрофы.

Пропасть поглотила не только студентов. Вскоре на ее краю очутились и люди многосемейные, и мужчины старше сорока лет, и слабые здоровьем — словом, все те, кого во время войны освобождали от воинской повинности. Пришел день, когда «повестку» получил Накадзаки, а потом и я. Жена взглянула на меня и, обняв двух детей, разрыдалась. У меня еще теплилась надежда: а вдруг пронесет, вдруг забракуют? Я ведь ужасно хилый, близорукий, без очков собственных пальцев не вижу... Но «там», как мы все понимали, дела обстояли плохо, и в общий котел валили всех: и здоровяков и инвалидов. Срок, который проходил с момента получения «повестки» до явки, тоже сократился. Мне приказано было явиться завтра вечером...

Следующий день прошел в суматохе. С утра я отправился на работу, приводил в порядок бумаги и передавал дела преемнику. Хлопотал, чтобы жалованье оставили за семьей. Кроме того, надо было улучить минутку и сбегать в больницу — мне хотелось попрощаться с отцом.

Когда этот похожий на кошмар день подходил к концу, я, совершенно измотанный, вернулся домой. Заплаканная жена шила мне пояс-талисман. Дети, присмиревшие и испуганные, — наверно, мать им объяснила, — сидели в углу и даже не пытались подойти ко мне.

Внезапно в дверь резко постучали. Мы оцепенели. Но нет, это было еще не то. Принесли телеграмму из больницы, что отец при смерти, и срочное письмо от Накадзаки.

— До явки остается час, — сказал я жене, посмотрев на часы. — Пожалуйста, вызови такси. Может, и не успею дать ему последний глоток воды, но все равно поеду.

Жена вышла, прикрывая руками опухшие от слез глаза, а я раздраженно и нетерпеливо вскрыл письмо Накадзаки. «Не кажется ли тебе, — писал он, — что причина подобного явления кроется в усилиях человеческой воли, направленной определенным образом? Это единственно возможное объяснение. «Мобилизация» происходит по чьей-то воле! Допустим, некий человек силой своего воображения может вызвать любое угодное ему явление. Человеческая душа — потемки, и, может быть, в этих потемках родилась сумасшедшая идея повергнуть нашу страну в этот кошмар. Недаром же говорят, будто мысль о кровопролитных войнах, принесших впоследствии горе миллионам людей, поначалу приходит в голову одному-единственному человеку...

Я не знаю конкретно, кто этот человек, но могу представить, какой он. Очевидно, это японец, уже пожилой или даже старый, судя по тому, что он отлично знает порядок проведения мобилизации. В свое время он, несомненно, пережил трагедию войны и поражения и теперь горит мстительным желанием отыграться на нашей молодежи — пусть, мол, парни на своей шкуре испытают, что это такое...»

Я не стал дочитывать письмо. Вне себя от ужаса я выскочил из комнаты и прыгнул в такси.

— В психиатрическую клинику! — крикнул я.

Ну да, ну да, так оно и есть! И как же я раньше не подумал! Я собственными ушами слышал это гнусное желание, высказанное вслух. Злодей, изверг, человеконенавистник — это не кто иной, как мой собственный отец! Помню, кажется, месяца за два до начала «мобилизации» я был у него в больнице. У него начинался припадок. Трясясь всем телом, он произнес со злобой и ненавистью:

— Нынешняя... молодежь... Слюнтяи, белоручки несчастные... Видеть не могу... Всех... всех... мобилизовать!.. На войну их!.. Чтобы закалились... чтобы знали...

Сейчас его слова с необычайной ясностью всплыли в моей памяти. Если Накадзаки прав... Перед очередным припадком, когда отец впадал в полубезумное состояние, в нем пробуждалась таинственная сила. И, очевидно, все, что он успевал очень сильно пожелать в этот короткий период, сбывалось. Но если даже проклятая невидимая война действительно была

вызвана отцом, я не мог его винить. Что он такое? Мелкий служащий, забитый и жалкий. Пусть крикун, шовинист, но его шовинизм не шел дальше обыкновенного злопыхательства и верноподданнических выкриков. Безысходная тоска, уныние окружающей действительности и собственная невезучесть толкали его в пасть националистических идей, граничащих с бредом душевнобольного Он, как и прочие шовинисты, видел выход только в войне.

На фронте во время боя у отца случился очередной припадок, и он попал в плен. Когда война кончилась и пленных репатриировали, к нам в дом вернулся уже не просто больной человек, а настоящий калека, нравственный и физический.

Вот уже десять лет, как он лежит в психиатрической больнице. Казалось, «пророческий дар» отца пошел на убыль. И надо же было случиться, что в один из коротких периодов, предшествовавших очередному припадку, этот человек, уже стоявший одной ногой в могиле, вдруг сосредоточил свою волю и вызвал к жизни проклятие, долгие годы терзавшее его измученную душу!

«Всех, всех мобилизовать!.. На войну их!.. Чтоб закалялись, чтоб знали...»

Такси остановилось у больницы. Мне оставалось всего десять минут.

— Если хотите застать его в живых, поторопитесь, — сказал главврач.

Я вихрем промчался по мрачному коридору и вбежал в палату. Отец, маленький, желтый, похожий на обтянутый кожей скелет, лежал на спине, прикрыв глаза почти прозрачными веками.

— Отец! — воскликнул я, хватая его за плечо. — Отец, скажи, ты сделал это?

Его веки дрогнули и приоткрылись, хрип в горле усилился.

— Отец, послушай, отец! — У меня отчаянно билось сердце, я схватился за спинку кровати, чтобы не упасть. — Останови, прекрати это! Ради детей, ради твоих внуков...

Внезапно его глаза широко открылись, и я невольно отшатнулся: подернутые дымкой зрачки, невидящий взгляд безумца, погруженного в свой страшный мир. Тонкие губы дрожали, он силился что-то сказать. Я напряженно следил за движениями этих сухих, бескровных губ и вдруг заметил искривившую их странную усмешку. Мне стало страшно, я отступил от кровати. Его тело забилось, задергалось в судорогах. Только тут я понял, что он хотел сказать, и почувствовал, как меня сковывает леденящий ужас.

— Бандзай его величество император! — едва слышный шепот остывающих губ, зловещий шелест могильной травы... Вслед за тем из горла умирающего вырвался последний хрип, его тело дрогнуло и затихло.

За моей спиной звякнула сабля. Рука, взявшая меня за локоть, не была рукой больничной сиделки...

Рассказ печатается в сокращении.

Перевел с японского З. РАХИМ

Рис. Б. Шейнеса

Тогда это произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Вся Франция была возмущена. На Больших Бульварах и в цехах Ситроена, в студенческих кабачках и угольных шахтах только и разговору было, что об этом происшествии. А случилось вот что. Тогда — в начале тридцатых годов — во Франции был талантливый велосипедист Мишар. В спринтерских гонках на треке ему не было равных. Конечно, все надеялись, что он сумеет выиграть радужную майку, которой награждают чемпиона мира. И чемпион не обманул ожиданий. Он вышел в финал.

Дальнейшее было как кошмар. В то время еще не существовало телевизионных передач да и радиорепортажи только начинали входить в моду. Болельщикам приходилось довольствоваться отчетами в газетах или, в лучшем случае, рассказами очевидцев.

Обычно в заездах спринтеров оба противника (наиболее ответственные гонки всегда разыгрываются как поединки — один на один) стараются ни на сантиметр не отпустить конкурента, и победа определяется в последний момент. Во избежание недоразумений назначается специальный судья, в обязанность которого входит фиксировать, в каком порядке заканчивают гонку участники. При этом его мнение окончательное и обжалованию не подлежит.

Вот он и увидел. На финишной прямой бурно финиширующий француз на добрых полколеса опередил противника, однако арбитру показалось, что это произошло уже за чертой дистанции. И он дал победу другому гонщику. Все — и зрители, и судьи, и фоторепортеры — во весь голос протестовали, но тот, от кого зависело решение, остался непреклонным. Мишар не стал чемпионом мира.

После этого во всех газетах публиковались фотографии злополучного финиша, из которых следовало, что тот, кого увенчали лаврами, был вторым, а парижская «Ото» в течение нескольких месяцев выходила с аншлагом на первой полосе «На чемпионате мира Мишар не проиграл». Увы, это было только проявлением бессильной злости — решение судьи на финише обжалованию не подлежало.

Финишный фиксатор действительно спутал гонщиков. Просто ошибся, а такое со всяким может случиться. Может быть, когда-нибудь позже он и передумал, но изменить свое решение уже не мог. Я не знаю, где он сейчас. Прошло так много лет, что его, возможно, и в живых нет. Однако и сегодня его неудачный вердикт вызывает негодующие протесты любителей спорта.

Теперь подобной ошибки произойти не может. Не знаю, насколько случай с Мишаром подтолкнул техническую мысль, но в наш век электронных машин казалось невозможным доверить столь ответственную задачу человеку, о котором еще древняя поговорка отметила, что ему свойственно ошибаться.

Теперь на каждом мало-мальски крупном стадионе оборудован так называемый фотофиниш. Фотокамера, заменившая судью, фиксирует прохождение участниками финишной черты. В спорных случаях судьи, рассматривая отдельные кадры, могут точно определить, кто первый пересек заветную прямую. При этом могут быть обнаружены такие тонкости, которые ни один самый острый человеческий глаз заметить не в состоянии.

Характерен в этом отношении финал бега на 100 метров на олимпиаде в Токио. В применявшейся там аппаратуре кадр пересекали вертикальные линии, позволявшие точнее определять победителя. Вот тут-то и оказалось, что плечо одного из участников прошло створ финишной прямой на две сотых секунды раньше, чем коснулся этой линии конкурент. Так было присуждено третье место. Ясно, что самый зоркий человек не в состоянии уловить столь ничтожной разницы. Подобные машины в наше время применяются везде, где требуется точная фиксация того или иного явления. Конструкторы все время ломают головы над новыми приборами, способными заменить спортивных арбитров и раз навсегда сделать невозможными инциденты, возникающие в результате спорных судейских определений.

Фехтовальщики давно уже приняли на вооружение электрофиксатор, отмечающий уколы только в том случае, если они нанесены безупречно точно кончиком рапиры. К тому же машина в состоянии определить, который из бойцов нанес укол на ничтожную долю секунды раньше, чем противник. Не будь этой «умной» машины, фехтовальщики вообще оказались бы в тупике. «Хорошо» было мушкетерам. Если у них удар попадал в цель, об этом свидетельствовала кровавая рана, которую скрыть невозможно. В начале века судьи фехтовальных турниров определяли попадания «на глазок». Вот почему летописи тех времен так насыщены рассказами о всяческих конфликтах и протестах. Человеку свойственно ошибаться.

Хотя возможности электронной машины — спортивного арбитра — далеко не исчерпаны, конструкторы нашли для них еще одно применение. Во многих видах спорта достаточно кропотливый учет достижений ведется по очкам. В былые времена и зрители и судьи не столько смотрели на арену, сколько занимались подсчетами. Тем более что без этой математики невозможно было учесть ни шансов отдельных конкурентов, ни занимаемого ими места. Иной раз случалось так, что после окончания соревнований проходили часы, прежде чем можно было обнародовать окончательные результаты.

Машины одолевают всю эту арифметику со сказочной быстротой. На олимпиаде в Гренобле (да и не только в Гренобле) они демонстрировали на световых табло результаты закончившего соревнование участника, прежде чем тот успевал добраться до раздевалки. Кроме того, они автоматически размножали протоколы (на нескольких языках), так что в ложе прессы постоянно имелись самые свежие данные.

В былые времена на всяком спортивном состязании в составе судейской коллегии был так называемый главный секретарь. Именно он и вел всю работу с расчетами. Бывало, что за несколько дней турнира он ни разу не мог выбраться из своей каморки, чтобы взглянуть на спортсменов. Он считал, считал, пересчитывал и снова считал. Иногда ему случалось ошибаться — ведь людям это свойст-

венно. Тогда возникали конфликты. Можно себе представить, какой характер они носили, если ошибка допускалась на крупном состязании. Могло получиться похуже, чем с Мишаром.

Итак, в недалеком будущем этому спортивному бухгалтеру надо будет менять специальность. Его работы целиком возьмет на себя машина. И она уж, наверное, не станет ошибаться. Кое-кто из спортивных писателей-фантастов уже сейчас пророчит спортивному миру «золотой век» — век судейства электронных машин. Тогда не будет ни недоразумений, ни поводов для протестов.

Пока это только мечты. Машины едва начинают свою деятельность на спортивной стезе. Однако и тут их сумели приспособить бизнесмены, видящие в спорте только источник дохода. Этим летом они осуществили свои планы в США.

Известно, что для болельщиков нет дела желаннее, чем сидеть и гадать, чем бы мог закончиться поединок спортивных знаменитостей прошлого с чемпионами наших дней. Кое-где, где результаты учитываются в метрах или секундах, это можно сделать. Некоторые любители статистики со скрупулезной точностью отмечают, что Пааво Нурми, непревзойденный финский бегун на длинные дистанции в двадцатых годах, на Токийской олимпиаде пришел бы в третьем десятке. А если речь зайдет о тех, кто соревнуется в личных поединках, как боксеры, например, что тогда?

На этом и решили сыграть предприниматели. При помощи электронной машины они организовали ни много ни мало турнир чемпионов всех времен. В машину были заложены самые разнообразные данные о разных боксерах, бывших в свое время чемпионами мира. При этом учитывались не только такие чисто механические факторы, как вес или сила удара, но и характер и психика боксера. Был установлен приз для победителя; причем организаторы оговорили, что если он достанется покойнику (двое из участников турнира давно уже спят вечным сном), то может быть направлен на благотворительные нужды.

И конечно, около турнира возник тотализатор, куда прилежно тащили доллары простодушные зрители. Вернее, не зрители, а слушатели, ведь смотреть эти матчи мертвых душ невозможно. Просто машина раунд за раундом конструировала поединки, а специальные комментаторы передавали их в эфир, словно настоящие матчи. Любители млели около приемников и представляли себе этот мифический ринг.

В финале пятидесятилетний Роки Марчиано, ушедший непобежденным с ринга почти два десятка лет назад, нокаутировал семидесятилетнего Джека Демпси, бывшего короля ринга в начале двадцатых годов. Финансовый успех предприятия превзошел все ожидания, и организаторы уже разрабатывают возможности других «состязаний» подобного рода. При этом имеются в виду не только встречи по боксу, но и велогонки, и дерби, и чуть ли ни бег римских колесниц. Самая главная часть предприятия — тотализатор в любом случае будет работать с полной нагрузкой.

Пока менаджерам мертвых душ приходится заниматься менее приятным делом. На них подали в суд. Первым это сделал побежденный финалист Демпси. Престарелый чемпион усмотрел в этом решении автомата подрыв своего престижа. Бизнесменов это не беспокоит. Они не моргнув глазом выплатят обиженному старцу любую компенсацию, которую найдет нужным судья (на этот раз не электронный, а настоящий).

Значительно неприятнее второй процесс. Дело в том, что догадливая машина очень точно учитывала симпатии болельщиков (ведь от них идут доллары в кассу) и беспощадно расправлялась с непопулярными боксерами. Так еще в первом круге оказался побитым Джен Тенней, ушедший с ринга непобежденным в 1928 году. Этот боксер не любил театральных эффектов, работал предельно собранно и рационально. Именно поэтому его и не мог победить даже сам Демпси. Публике этот чемпион не понравился.

Конечно, автомат «учел», как нервно реагируют в Америке на победы «цветных» над белыми. За всю историю бокса только немногим неграм удалось стать чемпионами мира. Машина расправилась с ними запросто. Джек Джонсон, который в свое время дал себя побить только потому, что знал, что будет пристрелен на месте, если посмеет выиграть, по электронному вердикту оказался негодным боксером. Та же участь постигла и других. Против такой явной дискриминации возмутился Кассиус Клей, еще так недавно сметавший с ринга всяких белых претендентов и лишенный звания чемпиона лишь потому, что категорически отказался воевать во Вьетнаме. Такой процесс может обернуться скандалом. Впрочем, авторов электронных махинаций это не беспокоит. Они знают, что в Соединенных Штатах суд с «цветными» не церемонится — совсем как их машина.

Париж **Пьер ЛУАЗО**

МЕНАДЖЕРЫ МЕРТВЫХ ДУШ

СПОРТ СПОРТ СПОРТ СПОРТ СПОРТ СПОРТ СПОРТ

МАСТЕРА ВЕСЕЛОГО ЦЕХА

ПУАНТЕЛИЗМ.

СЮРРЕАЛИЗМ.

Польский юморист Збигнев Ленгрен — удивительно одаренный человек. Он рисует, пишет плакаты, выступает в роли конферансье, работает на телевидении, в мультипликации, иллюстрирует книги. И даже сочиняет сатирические тексты. Как, например, этот:

«Если, дорогой читатель, вам не удалось стать писателем, не отчаивайтесь. Еще не поздно стать художником. Чтобы лучше ориентироваться в современном искусстве, предлагаем несколько вариаций на тему о направлениях в живописи XX века.

Очень модно в последнее время течение «арт бруталь». На запачканную

МОНУМЕНТАЛИЗМ.

КУБИЗМ.

доску прибивают пружины матрацев, консервные банки и т. п. — лишь бы композиция не напоминала чего-либо, существующего на свете. Если же материал не годится для картины, из него делают скульптуру и называют ее, ну, скажем, «Смерть контрабасиста».

Вы спросите: «Кто это покупает?» Но, дорогой мой, произведения современного искусства существуют не для продажи, а для выставок. Ибо если писатель отличается от графомана тем, что получает деньги, в живописи такого различия не существует».

ЭКСПРЕССИОНИЗМ.

ШТМ

ЗАДАЧА № 1

В первом матче нового сезона футболисты команды «Пламя» забили половину голов, которые они забили во второй игре, и еще один гол.

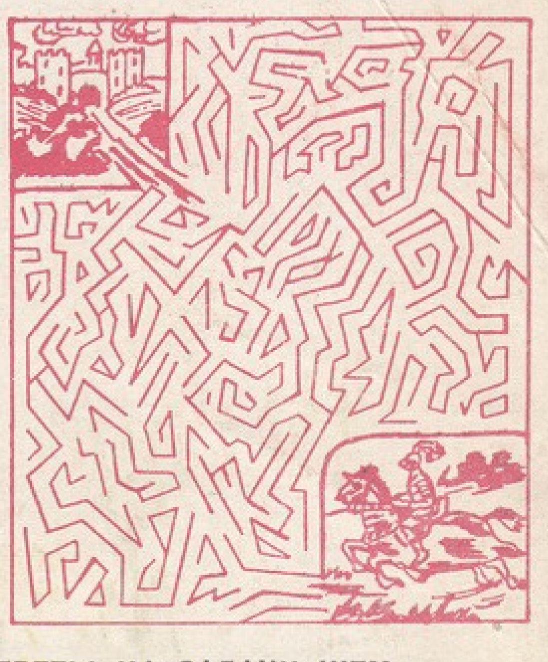
Во второй игре они забили в два раза меньше голов, чем им удалось забить в третьем матче, и еще один гол.

В третьем матче они забили в два раза меньше голов, чем в первом, и еще один гол.

Сколько голов забито в каждой из трех встреч?

ЗАДАЧА № 2

Рыцарю нужно попасть в замок, чтобы предупредить находящихся там людей о приближении врага. Какой путь он должен выбрать при условии, что пересекать линии нельзя?

ЗАДАЧА № 3

Инспектор Рокхард занимался расследованием загадочной смерти историка Амоса Райта.

— Он слишком много работал, — рыдая, говорила жена Райта, — и книга о французской революции повлияла на его психику. Он задремал в кресле и во сне увидел себя на гильотине. Как раз в тот момент, когда ему снилось, что над ним навис нож, я, чтобы разбудить его, хлопнула его веером по шее. Он умер в ту же секунду от шока.

— Вы лжете! — воскликнул инспектор.

Как он узнал?

ТЕМ, КТО ХОЧЕТ ПОХУДЕТЬ

Упражнения этого комплекса надо выполнять с легким предметом (например, с книгой), увеличивая число повторений от 6—8 раз до 20.

1. Для мышц живота. Ложитесь на коврик, слегка согните колени, вытяните носки, руки (с книгой) занесите за голову. Рывком поднимите туловище и постарайтесь коснуться книгой ступней. Не задерживайте дыхание.

2. Для ног. Встаньте пальцами ног на возвышение (рис. 2а). Подпрыгните на пятках раз шесть. Если у вас слишком тонкие голени, медленно поднимайтесь на носках как можно выше, затем расслабьтесь и повторите упражнение (рис. 2б). Если ноги слегка искривлены, положите книгу между ступнями и с силой сведите ступни, не соединяя коленей (рис. 2в). Просчитайте до шести, расслабьтесь, снова повторите упражнение.

3. Для талии. Выпрямите левую руку с книгой над головой и наклонитесь вправо. Положите правую руку на пояс. Держите спину прямо. Почувствовав напряжение косых мышц живота, выпрямитесь, переложите книгу в правую руку и сделайте наклон в левую сторону.

4. Для бедер. Встаньте на колени, отведите левую ногу в сторону, вытяните носок. Быстро поднимайте и опускайте ногу, затем проделайте то же правой ногой.

5. Для осанки. Лежа на животе, возьмите в каждую руку по книге (сначала тонкой) и разведите их в стороны, как крылья при полете. Голову и руки поднимайте и опускайте одновременно.

6. Для мышц рук. Разведите руки в стороны и делайте движения, как бы описывая в воздухе круги, сначала большие, потом все меньше и меньше. Десять вперед и десять назад. Повторите упражнение четыре раза.

7. Для нижней части спины. Сядьте на пол и выпрямьте вперед руки. Не сгибая коленей, поочередно поднимайте ноги, как бы делая шаги сидя. И так по десять «шагов» каждой ногой.

Выполняйте упражнения ежедневно, старайтесь в течение дня как можно больше двигаться.

ВЕЛЬВЕТ И МОДА

Каждый сезон мода приносит что-либо новое. В 1968 году — это модели из вельвета и бархата. Вельвет — дешевый и практичный материал. Он не предъявляет больших требований ни к возрасту, ни к фигуре. Сейчас на прилавках вы можете увидеть вельвет в широкий и мелкий рубчик, одноцветный, имеющий сложные цветовые оттенки, набивной.

Из вельвета можно сшить легкое пальто, платье-костюм, платье-сарафан, теплый халат, спортивный костюм — жакет и брюки. Для повседневной одежды лучше использовать вельвет с набивкой, в мелкий рубчик. К изделиям из вельвета хорошо подойдут деревянные, кожаные, металлические пуговицы, лаковые, замшевые пояса и всевозможные поясацепочки.

Хорошо смотрятся комбинированные комплекты: вельвет с кожей, замшей, трикотажем, сукном. Из вельвета и бархата можно сшить нарядную одежду. Для этого лучше всего подойдут пастельные тона вельвета в мелкий рубчик, а бархат — сочных тонов. Особенно интересна комбинация черного с белым. Это классическое сочетание делает фигуру стройнее. Даже простое платье с белой отделкой выглядит празднично. Отделка к нарядным платьям — манжеты, воротнички, вставки, жабо — выполняется из кружев, органди, батиста, капрона.

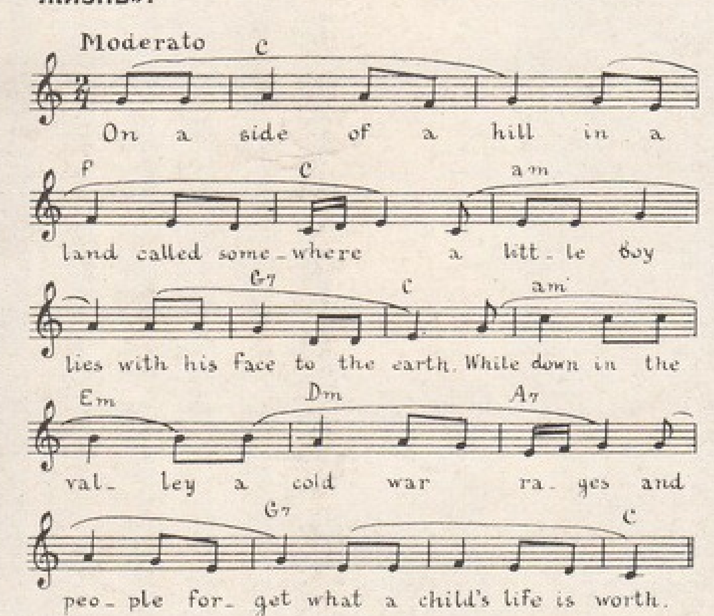
Е. ФРЕЙМАРК,
художник-модельер

«НА СКЛОНЕ ХОЛМА»

Современную Америку захлестнула волна песенного творчества. В каждом городе, в школах, колледжах юноши и девушки играют на гитарах и сочиняют песни о том, что их больше всего волнует. Многие из них подражают манере своего любимого певца Боба Дилана, но это не слепая имитация, ибо каждый прежде всего хочет выразить себя и то, как события сегодняшнего дня преломляются в его сознании.

Поль Саймон еще молод. Ему 26 лет. Он окончил колледж и сейчас один из активнейших певцов протеста Америки. Его песня «На склоне холма» исполнялась на IX Всемирном фестивале. Она навеяна войной во Вьетнаме, где маленьких детей убивают по приказу американских генералов, уже давно забывших, во имя чего они воюют.

«На склоне холма в далекой стране маленький мальчик лежит лицом к земле. А в долине внизу гремят раскаты войны, и люди забыли, как дорого стоит детская жизнь».

On a side of hill a little cloud weeps
And waters the grave with its silent tears
While a soldier cleans and polishes a gun
That ended a life at the age of seven years.

And the war ranges on in a land called somewhere
And generals order their men to kill
And to fight for a cause they have long ago forgotten
While a little cloud weeps of the side of a hill.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ШТМ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В № 9, 1968 г.

Задача № 1

Посадим за отдельные столы студентов, знающих все три языка. Затем за отдельные столы — одного с английским, одного с французским и одного с испанским языком. Можно предположить, что студентов, знающих только испанский язык, меньше. Посадим их за отдельные столы. После этого будем рассаживать студентов с двумя языками по три человека за один стол так, чтобы двое знали английский, двое французский и двое испанский.

Теперь остались лишь студенты, знающие английский и испанский (а их столько, сколько нерассаженных с одним французским языком), и студенты, знающие французский и испанский (их столько же, сколько осталось с английским языком). Теперь рассадим всех оставшихся, кроме не знающих ни одного из языков, за столы по двое так, чтобы за каждым сидел человек с английским, с французским и с испанским языком.

Задача № 2

Колокольчик № 5. У него квадратный язык и квадратное ушко.

ОТВЕТ НА КРОССВОРД «ГРЕНОБЛЬ-68» ИЗ № 9

По горизонтали: 5. Финал. 6. Дамон. 7. Алмаши. 8. Тройка. 14. Старт. 15. Голландия. 16. Вираж. 19. Капитан. 22. Стадион. 23. Коридор. 24. Диксон. 25. Бахлер. 30. Бахледа. 32. Бошатей. 33. Гойчель. 36. Хишер. 37. Дистанция. 38. Грини. 41. Хоккей. 42. Ноттет. 43. Майер. 44. Нонес.

По вертикали: 1. Килли. 2. Марафон. 3. Дамолин. 4. Гонка. 9. Отран. 10. Арбитр. 11. Дайнин. 12. Пиндер. 13. Фамоз. 17. Мартинсен. 18. Стефенсон. 20. Тобоган. 21. Команда. 26. Стайер. 27. Клапан. 28. Кучера. 29. Холик. 31. Пленк. 34. Винклер. 35. Биатлон. 39. Холам. 40. Вегер.

Главный редактор Г. А. КАШОЯН.

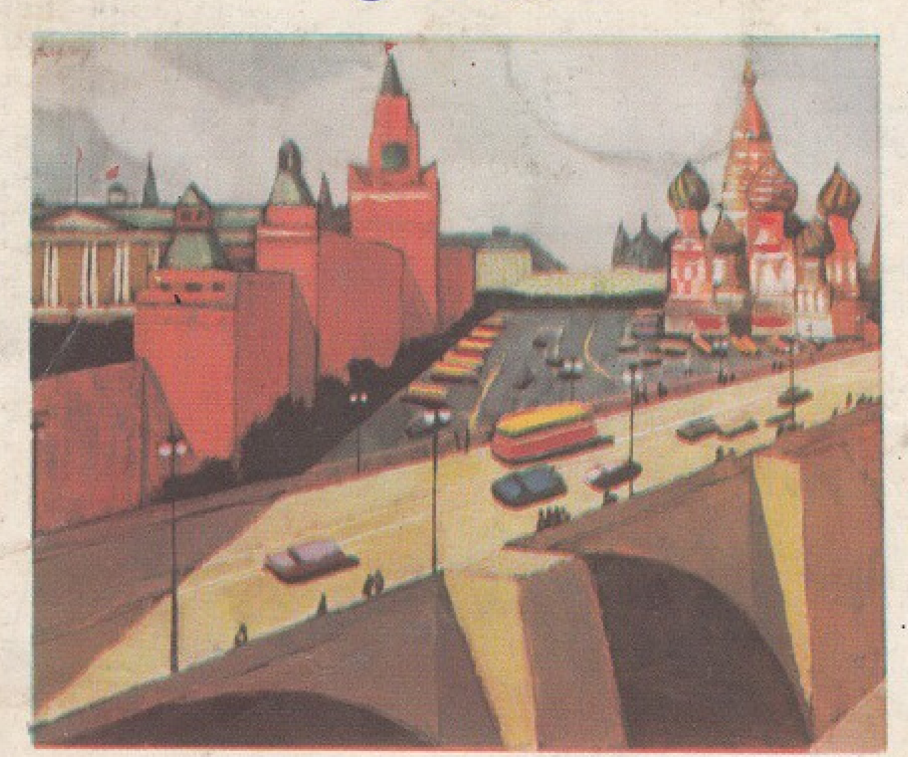
Редакционная коллегия: М. А. ДРОБЫШЕВ, И. С. ЗЕНУШКИНА, И. Т. КОМОВ, Д. М. ПРОШУНИНА, А. В. ФЕДОТОВ (зам. главного редактора), А. Н. ФИЛАТОВ (ответственный секретарь).

Худож. редактор О. С. Овчинникова.
Техн. редактор Г. Е. Петровская.

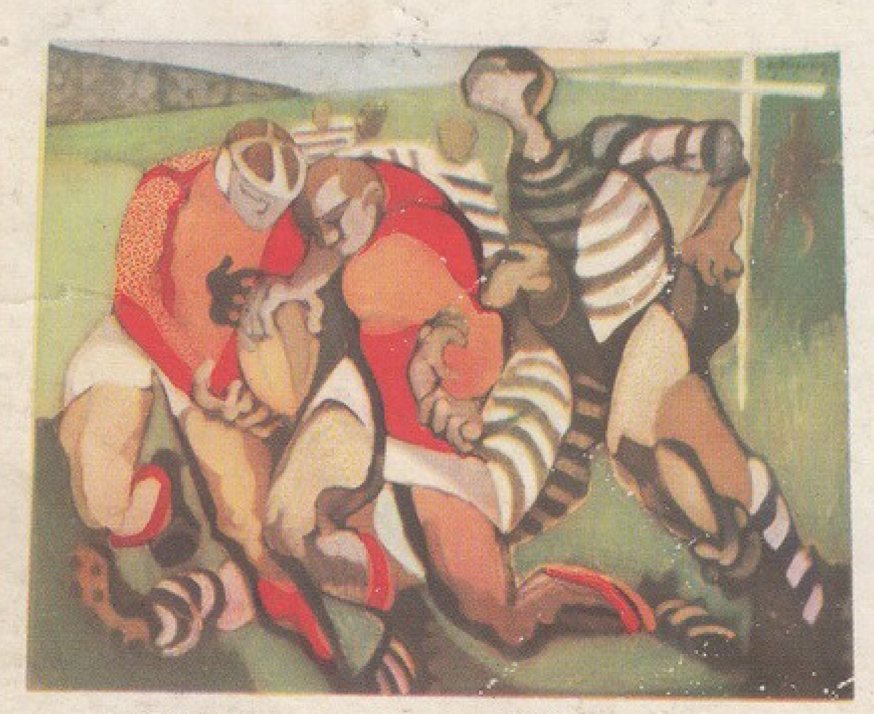
Адрес редакции: Москва, К-104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 14/IX 1968 г. Подп. к печ. 11/X 1968 г. А04286. Формат $60 \times 90^1/_8$. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 450 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 1900.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

«Вид на Москворецкий мост». 1964 г.

«Регби». 1966 г.

«Утренний свет» 1964 г.

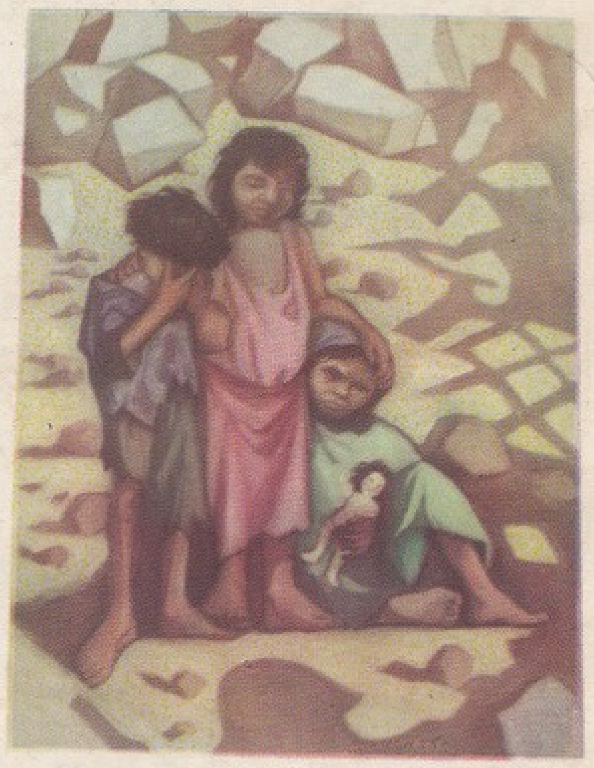
Андрэ Фужерону чуждо чувство успокоенности, его отличает стремление быть в гуще происходящих в мире событий. Поэтому так разнообразны темы и жанры его творчества.

Здесь представлены только шесть работ из всего многообразия картин этого французского художника, экспонировавшихся в Музее изобразительных искусств имени Пушкина.

А. Фужерон — один из ведущих представителей неореализма, родился в 1913 году. Член КПФ, активный участник движения Сопротивления. Своими учителями он считает Пикассо, Матисса и Леже.

«Отцовское счастье». 1959 г.

«Сироты». 1958 г.

«Жатва у железной дороги». 1959 г.

За картину «Вьетнам» А. Фужерон удостоен «Гран-при» общества «Художник — свидетель своего времени», членом которого он является.

«Я никогда не страдал от ощущения своей беспомощности, — говорит о себе Фужерон, — во мне горит желание биться за социальную идею, за красоту, я люблю эту битву и служу ей».

Индекс 70781

Цена 20 коп.

АФ-РИ-КИ“

той части Индийского арском. «Африка» не е ей приходилось тяж- трос, грузно перевали-м. Но то еще полбеды. иностранным экипажем, оявшем из слов суахи-отделении работал еще что могут сделать эти ка.

тье случилось. Теперь вахтенного вызвать из ые от вахты: и матро-да пошла за своим ка-

июне 1964 года, вско-ийских колонизаторов. пециалистами и ровно го флота не раскрыва-у механизмов. На всем одного дела.

и в рейс, — настороо-и новый капитан про-рассыпанных на под-

м все равно». В рабо-заметил, как русские изношенных машин и и Леонид на палубе и

В первое время только один человек не о ным — матрос Салум Али. Этот худой и г подросток исподтишка следил за манипул в машинном отделении. Иногда его лицо п ние неподдельного изумления.

Однажды Леонид увидел в руках Али ролевских пиратов».

— Гарная книжка, — сказал Кравчук, п ленные страницы. — В другой раз возьму времени нет, — и он извлек из какого-то за довых механизмов» на английском языке.

— Ченьдж? (Меняемся?), — предложил

Кравчук рассмеялся.

— В качестве пособия твоя книжка мало же я буду по ней двигатель ремонтировать скажу — бери мой справочник, когда хочешь,

С тех пор Али всегда можно было найти в А команде эта дружба показалась невероятно

— Шеф, вы что-то объясняете Али, пока вместо того чтобы гулять. Зачем?

— Судно должно плавать, а для этого н ремонтировать. Вот я и учу Али.

— Это записано в контракте?

— Нет, не записано.

— А сколько вы получите за эту работу?

— Ни шиллинга.

— Зачем же вы сидите в темном колодце ний? Вам так лучше?

— Вот именно.

Заговор молчания был нарушен. Леонид сам «Африки» о советских моряках, о том, обходимости помогают они друг другу, не с нем.

Через несколько дней «Африка» вышла в лод Козакевич повел судно от Занзибара а затем в Момбасу, Дар-эс-Салям, Килве-К на остров Мафия. Трасса опасная, экипаж н моотношения с командой в море гораздо сл ше. И все-таки советских моряков уже не с

Первые «челночные» рейсы между портами тинентальной Африки прошли благополучн плавания, Всеволод сдал экзамен на звание Танзании и Кении. Узнав, что новый капит пешно проводит судно через коралловые бух муникаций Занзибара попросил его выполня занности инспектора Регистра. Русский капи освидетельствованию всех судов, приписанны бар. Кроме обычных рейсов, теплоход «Афр телеграфный кабель по дну океана. Новый низовал службу, что кабельные и гидрогра продвигались вдвое быстрее.

Казалось, все наладилось. «Африка» стала хотя в прежние времена работала в убыток. навигационные лекции «сэра» Кравчука. учил людей определять на слух неполадки в И вдруг в поведении команды появилась не

я „ДАЙСЕ-МАРУ“

ИНТЕРВЬЮ „РОВЕСНИКА“

уманам — увеличило число морских ка-Парадокс современного кораблевождения, анно, в том, что подготовка специалистов темпов судостроения. Теперь труднее дей пользоваться навигационными прибо-оснастить суда этими приборами. По дан-ства ливерпульских страховщиков, число крупных морских судов в прошлом году

ите о правовой стороне спасательного

гибнущих людей — благородная и гуман-святой закон мореплавания с давних вре-е касается грузов и самих судов, то здесь влено на коммерческую основу. Если опе-нчивается успешно, то долг пароходной спасенного судна возместить потери, свя-тклонением от курса и другими затратами судна. Международные арбитражные ледят, чтобы вознаграждение соответство-овленной норме.

особенно напряженного судоходства — ример, как пролив Зунд, — пограничные сти вообще отменены. Наша страна дого-о сотрудничестве в спасательном деле ними государствами, а с Данией такое предусматривает свободный заход в тер-ые воды спасателей той и другой страны.

районах самые трудные операции?

ее сложной гидрометеорологической об-проводятся спасательные операции на остоке. Приведу случай с экипажем япон-ской шхуны «Дайсе-мару-23», потерпевшей аварию у мыса Пираткова на Камчатке. Координаты «Дайсе-мару-23», переданные японской радиостанцией, оказались ошибочными, и высланные к ней спасатели не обнаружили шхуну. К тому же 11-балльный ветер и пурга не давали подняться самолетам.

Когда одному из советских спасательных судов удалось обнаружить сидящую на рифах шхуну, положение ее было критическим. Команда забралась на кормовую рубку и мачту, торчавшие из воды Рыбаки могли замерзнуть еще до того, как их поглотит морская пучина. Действия спасателей осложнялись и тем, что шхуна терпела бедствие в непосредственной близости от многочисленных скал.

Несколько человек из экипажа «Дайсе-мару-23» попробовали спастись на плоту, но через несколько минут плот разнесло в щепки.

Двое суток длилась борьба за жизнь 18 японских моряков. С невероятным трудом советским вертолетчикам удалось снять оставшийся экипаж шхуны. Японское посольство в Москве передало благодарность и грамоты отличившимся в этой операции. За прошлый год советской спасательной службой была оказана помощь 44 судам зарубежных стран.

Группы морских спасателей, работающих в Арктике, перебрасываются с места на место самолетами и вертолетами. Диапазон действия этих групп необычайно обширен — вся Арктика. Характер деятельности этих групп разнообразен, начиная от снятия людей с дрейфующих льдин до смены на плаву поврежденных лопастей гребных винтов на транспортных судах и ледоколах.

В. ДУБИНСКИЙ